

При ближайшемъ однако разсмотрѣніи слова τὸ ἴσον, нельзя не видѣть, что оно можетъ имѣть болѣе обширное значеніе. *Равный* есть прилагательное относительное и представляетъ по крайней мѣрѣ два предмета, изъ которыхъ одинъ равенъ другому. Равенство же можетъ быть и относительно двухъ и болѣе подлинниковъ, совершенно равныхъ другъ другу, для опредѣленной цѣли изготовленныхъ въ двухъ и болѣе экземплярахъ. При томъ τὸ ἴσον, въ значеніи списка, не объяснить многихъ мѣстъ въ произведеніяхъ Византійскихъ писателей. Дѣйствительно, что препятствуетъ понимать τὰ ἴσα какъ автографы, какъ подлинныя акты, составленные въ извѣстномъ количествѣ экземпляровъ и относительно содержанія буквально равныя другъ другу, хотя и съ различнымъ обозначеніемъ времени, мѣста и лицъ? Такъ грамоты одного и того же

exemplum chartae, ἰσότοπον, ἴσον, charta pari tenore scripta, ab archetypo expressa». Значеніе такихъ списковъ можно видѣть ясно изъ слѣдующаго мѣста, приведеннаго Дюканжемъ, завѣщанія аббата Леодобода: «quam donationem, ut firmior habeatur, gestis municipalibus alligare decrevi, et duas epistolas uno tenore conscriptas feci de re superius nominata: una, quae in archivo domini resideat Aniani, aliam vero pars Monasterii domini Petri per futura tempora reservandam recipiat: qualiter Monachi, ibidem Deo servientes, id quod eis per ipsam dedi, defensare valeant» (Ducang. Glos. Lat. III, p. 105). Отсюда видно, что составленіе такихъ списковъ принадлежитъ къ чисто юридическимъ дѣйствіямъ — *gestis municipalibus*, скрѣплявшимъ самый актъ: ut (donatio) *firmior habeatur*... qualiter Monachi... id quod eis per ipsam dedi, defensare valeant. Въ томъ самомъ значеніи — списка встрѣчаемъ мы τὸ ἴσον и въ *Правилахъ Собор. и Св. Отецъ*, напр.: ἁδελφὸν ἔχοντος ἐκάστου Μητροπολίτου τὰ ἴσα τῶν πεπραγμένων πρὸς τὸ δικεῖον ἀσφαλὲς ἐκλαβεῖν, что переведено такъ: каждый митрополитъ для своего удостовѣренія можетъ невозбранно взять списокъ съ сего постановленія (см. Прав. Соб. и Св. От. на первоначальномъ Еллинскомъ нарѣчій и въ прилож. Слов. Рос. Спб. 1839. Прав. 8 Ефес. Соб. стр. 53). Оно же встрѣчается и въ отрывкѣ перевода Кормчей: ἴσον θείας διατάξεως, ἧς ἡ ἀρχή. Въ переводѣ, къ сожалѣнію, опущено это выраженіе. Баронъ Розенк. Спб. 1839, стр. 54, пр. 28 и т. д.

содержанія, разсылаемыя по разнымъ частямъ государства и, слѣдовательно, заключающія въ себѣ различныя опредѣленія мѣста, даже времени, справедливо могутъ быть названы τὰ ἴσα. То же должно сказать и относительно договорныхъ грамотъ, изготовленныхъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, равныхъ по содержанію и различныхъ по мѣсту ихъ назначенія и лицамъ, скрѣплявшимъ ихъ своими подписями. Сколько естественно по сущности такое значеніе слова ἴσον, столько же оно необходимо для правильного пониманія нѣкоторыхъ мѣстъ въ произведеніяхъ Византійскихъ писателей. Въ слѣдующемъ выраженіи Теофана нѣтъ никакого основанія принимать его въ значеніи списка: «Φήλῃ δὲ τὰ ἴσα τὰ πρὸς τὸν Μόγρον πεμφθέντα ἐδέξατο παρὰ τῶν ὀρθοδόξων προλαβόντα» ¹⁾. Ясно, что здѣсь идетъ рѣчь о самомъ автографѣ. Также должно понимать и выраженіе Константина Багрянороднаго: «τὸ ἴσον τῆς διατάξεως αὐτῆς ἐπὶ χεῖρα λαβών» ²⁾, т. е. взявъ въ руки автографъ, прототипъ самаго завѣщанія. Принимая въ соображеніе существо дѣла, нельзя не согласиться съ слѣдующими словами ученаго толкователя Константинова, Рейске, нѣкогда державшагося справедливаго, но односторонняго объясненія Дюканжа: «ἴσον, говоритъ онъ, certe est exemplum calamo scriptum alicujus συμβολαίου aut scripti vel acti, cujuscunque tandem naturae, tam originale, προτότυπον, Urschrift, Urkunde, quam copiae vel antigraphi». Упомянувъ о толкованіи Дюканжа, Рейске продолжаетъ: «Sed significat quoque interdum prototypum, originale scriptum, ut apud Latinos vocabulum par», Radevicus l. 10: «porro quia multa paria (id est exempla autographa) literarum apud eos reperta sunt, (quae scilicet ejusdem omnes argumenti iisdemque formulis conceptae, sed ad diversos exaratae essent et tantum in paucis, nominibus nempe virorum, ad quos directae essent variarent) et schedulae sigillatae ad arbitrium

¹⁾ Theoph. p. 206.

²⁾ Vit. Basil. Maced. p. 197.

eorum scribendae, quales nos hodie *cartes blanches* appellamus»¹⁾. Въ описаніи VI Вселенскаго Собора также автографы названы ἰσοτοποι, ἐναπόγραφοι τόμοι²⁾. Представимъ еще одинъ примѣръ, заимствованный изъ Дюканжа: ἀνταπέστειλεν ὁ μακάριος Ἰννοκέντιος ὁ πάπας ἀμφοτέροισι τοῖς μέρεσι τὰ ἴσα τῆς κοινωνίας³⁾. Послѣ всего сказаннаго, ἴσος должно объяснять слѣдующимъ образомъ: отъ общаго значенія: *равно, одинаково, тождественно* оно перешло въ юридическій языкъ съ тѣснѣйшимъ опредѣленіемъ и приняло общепотребительное и общеизвѣстное значеніе *списка*; это послѣднее, съ строгою послѣдовательностію вытекающее изъ перваго, со временемъ распространено было и на автографы, изготовлявшіеся для какой-либо цѣли въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Всѣ эти переходы значеній совершились еще до эпохи составленія нашихъ договорныхъ грамотъ. Такъ какъ мы не имѣемъ историческихъ указаній, по которымъ могли бы съ полною достовѣрностію отнести одно изъ двухъ послѣднихъ къ выраженію: «равно другаго свѣщанья», то въ настоящемъ случаѣ должны ограничиться тѣмъ только предположеніемъ, что и то и другое можетъ быть употреблено для его объясненія, т. е. что грамоты, помѣщенные въ нашей лѣтописи, могутъ быть или официальными подлинниками, переписанными лѣтописцемъ, или списками перевода, оставшагося въ Константинополѣ, отправленными съ нашими послами въ Кіевъ, какъ выше было замѣчено. Въ обоихъ случаяхъ подлинность ихъ остается неизмѣнною, потому что списки, скрѣпленные съ обѣихъ сторонъ договаривавшимися лицами, имѣли равную силу и достовѣрность съ оригиналами. Здѣсь для насъ важенъ тотъ только общій выводъ, что наше *равно*, въ начальномъ выраженіи всѣхъ договоровъ, прямо и несомнѣнно соотвѣтствуетъ Греческому τὸ ἴσον, слѣдовательно, есть

¹⁾ Reiskii comment. ad cerem p. 324.

²⁾ Ducangii Glos. Lat. I. 327.

³⁾ Ducangii Glos. Lat. I. 327.

оффициальный терминъ, служащій заглавіемъ всѣхъ договорныхъ грамотъ. Переходимъ къ объясненію слова *свѣщаніе*.

Если, согласно съ нашимъ толкованіемъ, *свѣщаніе* не можетъ имѣть значенія предварительнаго словеснаго соглашенія, совѣщанія, если оно должно означать самую договорную грамоту, то, по нашему, рѣшительному убѣжденію, оно должно быть переводомъ Греч. слова *συμβόλαιον*, дѣйствительно имѣющаго оффициальное значеніе. Покажемъ сначала его оффициальность, а потомъ соотвѣтствіе нашему *свѣщанію*.

Примѣровъ для доказательства перваго обстоятельства такъ много и всѣ они такъ рѣшительно-утвердительны, что мы ограничимся только весьма немногими. Схолиастъ *Basilicorum*, ad lib. 22, p. 94, говоритъ: «οἷμαι νομοθετεῖν τὴν Νεαράν, ὅτι ὑφείλουσι τὰ συμβόλαια ἐν ξυλόχαρτοις γράφεσθαι ἐν γὰρ αὐτοῖς μόνοις εὐρίσκονται τὰ πρωτόκολλα». Далѣе тотъ же Схолиастъ: «ἐπειδὴ ἐν τισι τόποις οὐκ εἰσὶ ξυλώδεις χάρται, δίδωσιν ἄδειαν ἐν ἑτέροις τὰ συμβόλαια γράφεσθαι» ¹⁾. Изъ Визант. лѣтописцевъ представимъ только одинъ примѣръ: «καὶ ἐκέλευσε γράφεσθαι ἐαυτὸν ἐν τοῖς συμβολαίοις Τιβερίος Κωνσταντίνος» ²⁾. Въ значеніи же указа оно встрѣчается почти на каждой страницѣ въ lib. *Basilicorum*. Дюканжъ объясняетъ это слово такъ: «*συμβόλαιον*, vox *jurisconsultorum familiaris*», и при этомъ приводитъ слѣд. толкованіе Схолиаста *Basilicorum*: «τὸ μίγμα τῶν βουλευμάτων τῶν συμβαλλόντων προσώπων, συμβολὴν λέγεσθαι διὰ καὶ ἀπὸ ταύτης ἑγγραφον σύνταγμα Συμβολὴ καλεῖται, οἷς ὑπόμνημα τῶν συμφωνηθέντων μεταξὺ τῶν συμβαλλόντων ἦτοι συμμιξάντων καὶ συναίνεσάντων καὶ εἰς ταυτὸ τὰς ἰδίας ἀγαγόντων γνώμας». *Συμβόλαιον* назывался также договоръ, который заключался между родителями же-

¹⁾ Ducangii *Glos. Gr.* II. pag. 1026 подъ словомъ *ξύλοχαρτιον*.

²⁾ Theoph. p. 387, lin. 7.

ниха и невѣсты—наши рядныя записи ¹⁾). Изъ приведенныхъ примѣровъ нельзя не удостовѣриться, что *συμβόλαιον* на Византійскомъ юридическомъ языкѣ имѣло свое особенное, спеціальное значеніе, точно такъ, какъ его имѣють современныя намъ подобныя же слова: манифестъ, рескриптъ, указъ и т. п. Это-то особенное его значеніе, по нашему мнѣнію, и переведено въ нашихъ договорахъ весьма неудовлетворительно словомъ *свѣщаніе*, потому что нельзя сомнѣваться въ томъ, что наши договорныя грамоты не могли быть означены на Визант. языкѣ никакимъ другимъ словомъ, кромѣ приведеннаго нами.

Но если понятіе, заключающееся въ *συμβόλαιον* тождественно съ понятіемъ *свѣщанія*, то можно ли сказать то же самое объ этимологическомъ составѣ того и другаго слова? На этотъ вопросъ мы надѣемся дать утвердительный отвѣтъ. Правда, вторая часть Греческаго слова, въ строгомъ смыслѣ, не соотвѣтствуетъ Русскому ²⁾, но насъ нисколько не будетъ затруднять это различіе, когда мы сообразимъ слѣд. обстоятельства: 1) не смотря на различіе составныхъ частей *συμβόλαιον* и *свѣщаніе*, первое заключаетъ въ себѣ именно то понятіе, какое выражается послѣднимъ, такъ что, если бы оно не имѣло спеціальнаго значенія въ юридическомъ языкѣ, его нельзя бы было перевести инымъ словомъ. *Συμβολή* собственно означаетъ *столкновеніе*, и въ этомъ значеніи весьма часто встрѣчается у Византійскихъ писателей, напр.: «ὥς δὲ πάλιν ἐγένοντο συμβολαὶ καὶ πολλὸς φόβος συνέπιπτε Σαρακηῶν» ³⁾. Отсюда столкновеніе, соединеніе мнѣній со стороны лицъ, разсуждающихъ о какомъ-либо предметѣ, называется также *συμβολή*. Какимъ инымъ словомъ можно передать даже на современномъ языкѣ это послѣднее значеніе *συμβολῆς*, какъ не *совѣщаніемъ*? Вотъ почему Схولیастъ *Basilicorum*, объясняя *συμβόλαιον*, прямо гово-

¹⁾ *Συμβόλαια εἰσὶ τὰ ἐπὶ γάμου γινόμενα γράμματα.* Schol. Dion. Chrysot. Ducang. Glos. Gr. II. 1476.

²⁾ *Συμβόλαιον* происходитъ отъ σύν и βάλλειν.

³⁾ Theoph. Continuat. p. 179, lin. 8.

рѣшить, что оно есть τὸ μίγμα τῶν βουλευμάτων τῶν συμβαλλόντων προσώπων! А потому нельзя не сказать, что переводчики договоровъ, переводя συμβάλαιον свѣщаніемъ, были совершенно справедливы, что они не могли найти болѣе точнаго, болѣе соотвѣтствующаго подлиннику слова. 2) Въ этомъ мы убѣдимся еще болѣе, если обратимъ вниманіе на древнѣйшіе, дошедшіе до насъ, переводы съ Греч. языка, существенный характеръ которыхъ состоитъ въ буквальности, рабскомъ подчиненіи буквѣ подлинника, подчиненіи, не ограничивающемся одними словами, но распространяющемся на самое построеніе предложеній, на словосогласованіе и словоуправленіе, при чемъ, конечно, неизбѣжны самыя грубыя ошибки, наборъ словъ, въ которыхъ читатель тщетно будетъ доискиваться смысла. Но переводчики нашихъ договоровъ вообще не заслуживаютъ упрека въ столь важныхъ недостаткахъ. Вся погрѣшность ихъ въ переводѣ разсматриваемаго слова состояла въ томъ, что они переводили его какъ обыкновенное слово, согласно съ понятіемъ, въ немъ заключающимся, вѣроятно, вовсе не зная, что на юридическомъ языкѣ оно имѣетъ особенное, частное значеніе. Впрочемъ и эта погрѣшность, безъ сомнѣнія, была неизбѣжна уже потому, что языкъ, на который переводчики перелагали грамоты, еще не имѣлъ и не могъ имѣть строго-опредѣленной терминологіи въ области Права, какою отличался богатый въ этомъ отношеніи языкъ Латинскій, изъ котораго почерпалъ терминологію и Византійскій. 3) Къ подтвержденію нашего мнѣнія служить и то обстоятельство, что слово, вполне соотвѣтствующее нашему *свѣщанію* и по этимологическому составу, чрезвычайно сходно съ συμβάλαιον. Различіе между συμβάλαιον и συμβούλιον состоитъ почти въ одномъ звукѣ, а потому переводчикъ весьма легко могъ принять одно вмѣсто другаго, тѣмъ болѣе, что понятія, въ нихъ заключающіяся, почти тождественны ¹⁾. 4) Наконецъ, рѣшительнымъ доказательствомъ того,

¹⁾ Συμβουλία въ старинныхъ переводахъ передается сло-

что *свѣщаніе* нашихъ договоровъ не можетъ и не должно быть ничѣмъ инымъ, кромѣ перевода *συμβολαιον*, слу- жать слѣд. примѣры, взятые нами изъ старинныхъ пере- водовъ Кормчей книги. На стр. 46, въ правилѣ 21 ¹⁾, чи- таемъ: «ὅτι ἡ πλάνη τοῦ συμβολαιογράφου τὰς διαθήκας οὐκ ἀδικεῖ», что переведено такъ: «яко на соблазнъ *свѣ- щаніе пишущаго завѣту* не пакостити» ²⁾. Ниже *συμβό- λαιον* переведено въ *разсужденіи* ³⁾. Что переводъ *συμβό- λαιον* словомъ *свѣщаніе* въ древности былъ самымъ обык- новеннымъ и общеупотребительнымъ, подтверждается и тѣмъ, что оно перенесено на одинаковое по смыслу и также официальное, хотя различное по своему этимоло- гическому составу, слово *σύμφωνον*, означающее также юридическій актъ особаго рода. Такъ, въ томъ же отрыв- кѣ перевода Кормчей на стр. 92 въ прав. 81 читаемъ: «ἐκъ симъ же отъ брачнаго дара толикую часть елику же по скончаніи мужа подобаше взяти женѣ, *по свѣщанію*, еже во обрученія грамотахъ лежить», то въ подлинникѣ выражено такъ: «καὶ πρὸς τούτοις ἐκ τῆς γαμικῆς δω- ρεᾶς τοσοῦτον μέρος, ὅσον ἐκ τῆς τελευτῆς τοῦ ἀνδρὸς ἤρμοζεν τῇ γυναικὶ κατὰ τὸ σύμφωνον τὸ τοῖς προικώοις συμβολαίοις» ⁴⁾.

Всѣ предшествующія соображенія относительно словъ *равно* и *свѣщаніе* приводятъ къ тому общему заключе- нію, что и то и другое имѣетъ, въ начальномъ выраже- ніи нашихъ договоровъ, особенное, официальное значе- ніе, что первое можетъ соотвѣтствовать Греч. τὸ ἴσον,

вомъ *свѣтъ*, напр. въ такъ называемыхъ узаконеніяхъ Констан- тина: «καὶ μετὰ συμβουλίας ποιῆσαι τὸν πόλεμον» переведено: «съ свѣтомъ же творити брань». Рус. Дост. II. 146.

¹⁾ Обзор. Корм. Кн. Б. Розенк. СПб. 1839.

²⁾ Въ Лат. переводѣ *συμβολαιογράφος* переведено *notarius*.

³⁾ Приведу здѣсь это мѣсто, какъ образецъ безсмысли- цы: «тогда веѣмъ причетникомъ и монахомъ или въ *разсужде- ніи* (καὶ ἐν τῷ συμβολαίῳ) или одѣянніи поминаніемъ писанія, одинако свѣщающимъ и являющимъ яко на пользу тому быти».

⁴⁾ И ниже: «праздну сущу, иже о вѣнѣ *свѣщанію* — ἀρ- γούτων τῶν προικινέων συμφόνων».

а второе τὸ συμβόλαιον. Отсюда понятно, что выражение: «равно другаго свѣщанія» можетъ имѣть единственно слѣдующій смыслъ: *списокъ* (или даже подлинникъ) съ *другой договорной грамоты*. Обращаемся къ объясненію слѣдующихъ за тѣмъ словъ, относящихся къ разсмотрѣнному выше выраженію и также представляющихся буквальнымъ переводомъ съ Византійскаго подлинника.

Сюда относятся слѣдующія выраженія, повсюду, съ немногими измѣненіями, сопровождающія заглавія договоровъ: «бывшаго при тѣхъ же царихъ Лва и Александра» — въ Олеговомъ договорѣ; «бывшаго при цари Романѣ, и Константинѣ, и Стефанѣ, христіюбивыхъ владыкъ» — въ Игоревомъ; «бывшаго при Святославѣ, велицѣмъ князи Рустѣмъ и при Свѣнальдѣ» — въ Святославовомъ. Въ нихъ прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе странное несогласованіе надежей, очевидно, относящихся къ одному и тому же предлогу. Уже одно это обстоятельство несомнѣнно говоритъ въ пользу того мнѣнія, что все мѣсто есть буквальный переводъ съ Византійскаго подлинника. Знакомый съ приѣмами нашихъ старинныхъ переводчиковъ съ Греческаго языка нисколько не удивится такой безпорядочности въ употребленіи надежей. Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ извѣстныхъ намъ отрывковъ Болгарскаго и Сербскаго переводовъ Георгія Амартола. Въ подлинникѣ Сербскаго перевода предлогъ *περὶ* управляетъ родительнымъ надежемъ существительнаго, къ которому относится причастіе въ томъ же надежѣ: переводчикъ, употребивъ предлогъ *о*, соотвѣтствующій Греческому *περὶ*, совершенно правильно согласуетъ съ нимъ причастіе въ предложномъ надежѣ, но тотчасъ же слѣдующее за нимъ существительное и зависящее отъ того же предлога ставитъ въ родительномъ надежѣ, согласно съ надежемъ подлинника. Такъ, выраженіе: «*περὶ τῶν σεισμῶν τῶν ἐπικειμένων τῇ πόλει* — и *о належащихъ граду труса*» ¹⁾; или «*εἰς ἀποτροπὴν*

¹⁾ Чт. Общ. Ист. и Древ. Рос. 1846, № 4, стр. 79.

ζώων τετραπόδων καὶ πετεινῶν βλάπτειν δυναμένων ἀνθρώποις» переведено: «на възбраненіе скотомъ четверногими и птицама вѣдѣти могущихъ чловѣкъ» ¹⁾. Представимъ еще одинъ примѣръ: «καὶ ἄλλα εἰς ἕτερα τινὰ ἐπιφθορᾷ καὶ βλάβῃ ἀνθρώπων ὑπάρχοντα ἀποτροπαῖστανται», что переведено такъ: «и иная въ другая нѣкая на пагубу и вѣдѣ чловѣкомъ суща поборительна стоеть». Предлогъ εἰς относится къ предъидущей мысли (τὰ μὲν εἰς ἀποτροπήν, τὰ δὲ εἰς ἀποχήν, τὰ δὲ εἰς ἕτερα τινὰ), но переводчикъ потерялъ изъ виду связь и, хотя прежде вѣрно переводилъ εἰς предлогомъ *на*, въ послѣднемъ случаѣ безсмысленно употребляетъ *въ*. Изъ представленныхъ примѣровъ мы съ одной стороны удостоверяемся въ возможности столь безсмысленнаго несогласованія надежей въ переводѣ съ Греческаго языка, съ другой — въ томъ, что послѣдніе родительные надежи: «Лва и Александра и христіолюбивыхъ владыкъ» зависать отъ того же Греческаго предлога, отъ котораго зависать слова: «царихъ и цари Романѣ, и Костянтинѣ, и Стефанѣ». Этотъ предлогъ переводчикъ передалъ предлогомъ *при*, правильно согласовалъ съ послѣднимъ въ предложномъ надежѣ рядомъ стоящее существительное, а потомъ, какъ въ приведенныхъ примѣрахъ, забылъ объ управленіи предлога *при* и, по обыкновенію, продолжая буквальный переводъ, слѣдующіе за тѣмъ Греческіе родительные надежи и въ переводѣ передалъ родительными надежами. Полагаемъ, что предлогъ, управлявшій въ настоящемъ случаѣ родительными надежами въ подлинникѣ, былъ πρὸς, дѣйствительно означающій *у*, *при*, въ сочиненіи съ дательнымъ надежемъ. Здѣсь замѣтимъ другой недостатокъ старинныхъ нашихъ переводовъ съ Греческаго языка: или по безотчетному подчиненію буквѣ подлинника, или потому, что не понимали смысла переводимаго мѣста, переводчики не умѣли, обыкновенно, сдѣлать удачнаго выбора изъ нѣсколькихъ значеній какаго-либо слова. Выше

¹⁾ Ibid.

мы видѣли, что предлогъ εἰς, употребленный въ одномъ и томъ же значеніи, переведенъ и посредствомъ *въ*, и посредствомъ *на*; или въ слѣдующемъ примѣрѣ: «οἱ πολλοὶ πρὸς Βασιλεῖον διαβληθέντες» переводчикъ зналъ, что *πρὸς* съ винительнымъ падежемъ означаетъ *къ*, и, не обративъ вниманія на другія его значенія при томъ же управленіи, переводить невѣрно: «яже многими *къ* Василіеву оклеветана» ¹⁾. То же, безъ сомнѣнія, случилось и въ разсматриваемыхъ мѣстахъ договоровъ: *πρὸς* переведено предлогомъ *при* вмѣсто *у*, какъ въ послѣднемъ примѣрѣ то же *πρὸς* переведено предлогомъ *къ* вмѣсто *предъ*.

Намъ остается показать значеніе причастія *бывшаго* въ данномъ выраженіи, столь же мало, по нашему мнѣнію, сохраняющаго свое первоначальное значеніе, какое оно имѣло при господствовавшемъ доселѣ толкованіи. Вообще измѣненія, допускаемыя при изъясненіи очевидно искаженныхъ буквальныхъ переводомъ мѣстъ въ договорахъ, какъ скоро онѣ оправдываются сравненіемъ съ другими древними переводами, не должны казаться смѣлыми и предосудительными. Никто, конечно, не будетъ упрекать насъ въ смѣлости, когда мы, съ подлинникомъ въ рукахъ, станемъ возстановлять смыслъ въ бессмысленно-буквальномъ переводѣ: можно ли же опасаться упрека въ томъ случаѣ, когда возстановляется съ нѣкоторыми измѣненіями смыслъ текста, несомнѣнно переводнаго, и при отсутствіи подлинника? — Мы полагаемъ, что упомянутое причастіе имѣетъ значеніе: *находящагося, сущаго*, а не *происходившаго, бывшаго*, какъ доселѣ понимали. Измѣненіе времени причастія вовсе не можетъ быть отнесено къ числу смѣлыхъ предположеній. Оно оправдывается слѣдующими соображеніями: 1) сходствомъ, по внѣшней формѣ, причастій настоящаго времени и прошедшаго, отличающихся другъ отъ друга однимъ звукомъ (γινόμενου и γενομένου). При такомъ сходствѣ замѣна весьма естественна и даже не нуждается въ другихъ под-

¹⁾ Ibid., p. 100.

твержденіяхъ. Припомнимъ здѣсь *συμβούλιον* и *συμβόλαιον*. Замѣна для насъ будетъ еще понятнѣе, когда сообразимъ, что переводчикъ не понималъ смысла разсматриваемаго мѣста и, слѣдовательно, заботясь только о передачѣ отдѣльных словъ, легко могъ смѣшать ι и ε. 2) Эта замѣна можетъ быть также объяснена и наоборотъ — намѣренностію переводчика. Такъ какъ онъ рѣшительно не понималъ этого выраженія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть, хотѣлъ нѣсколько его осмыслить, то и измѣнилъ намѣренно настоящее время въ прошедшее, сообщая всему выраженію тотъ смыслъ, какой предполагали въ немъ доселѣ всѣ толкователи и какой, дѣйствительно, съ перваго взгляда, представляется единственно возможнымъ. Этою только намѣренностію, вовсе не злоумышленною, а самою простодушною, можно объяснить и вставку словъ: «и посла глаголя», очевидно, не имѣющихъ никакого смысла. Такія произвольныя вставки подтверждаются старинными переводами, особенно юридическихъ памятниковъ, отличающихся вообще большею свободою. Нѣкоторые изъ нихъ именно обнаруживаютъ намѣреніе исправить подлинникъ тамъ, гдѣ онъ, по мнѣнію переводчика, искаженъ. Такъ, въ подлинникѣ: «ἀπέστειλεν οὖν ὁ βασιλεὺς τὸν στρατηλάτην Ἀνδρέαν ἐν τῇ χρυσοπόλει καὶ ἄλλους συγκλητικοὺς σὺν αὐτῷ μετὰ κλήρου καὶ κηρῶν καὶ ἀραμάτων» (въ Греческомъ печатномъ подлинникѣ ἀραμάτων съ колесницами), а въ переводѣ: «посла убо царь воеводу Андрѣа въ Кресополе, и инѣхъ боярского чину с нимъ, съ клиросомъ, и съ свѣщами, и *араматы*, рекше *вонями добрыми*» ¹⁾. Или: «ἐν οὐδεμίᾳ δὲ τάξει κληρικὸν εἶναι ἀγράμματον», переведено: «ни во единой же заповѣди повелѣно бысть быти причетнику неграмотну,

¹⁾ Чт. Общ. Ист. и Древ. Рос. 1846, № 4, стр. 99. Издатель справедливо въ этомъ случаѣ замѣчаетъ: «переводчикъ читалъ ἀραμάτων, что вѣрнѣе печатнаго греческаго изданія. Это служитъ яснымъ доказательствомъ того, что Славянскими переводами Византійцевъ можно исправлять поврежденные мѣста въ Греческихъ хроникахъ».

рекше не умѣюще ни разумѣюще добръ грамотъ» ¹⁾. Впрочемъ должно сказать, что несравненно болѣе случаевъ обратнаго явленія, т. е. переводчикъ, не понимая смысла какого-либо мѣста и придавая ему собственный смыслъ, не затрудняется отъ себя внести въ переводъ два-три слова, по его мнѣнію, необходимыя, какъ то, безъ сомнѣнія, случилось и въ разсматриваемомъ выраженіи договоровъ. Примѣровъ подобнаго явленія такъ много въ старинныхъ нашихъ переводахъ, что мы почитаемъ излишнимъ обременять ими вниманіе читателя. Изъ нихъ открывается возможность вставокъ, а вмѣстѣ и измѣненій словъ подлинника, согласно съ пониманіемъ мысли самимъ переводчикомъ. 3) Замѣна временъ одного другимъ подтверждается и множествомъ примѣровъ въ старинныхъ переводахъ. Такъ, настоящее время замѣняется прошедшимъ, какъ въ нашемъ причастіи: «καὶ μὴ ἀποτέλεσματα ἐπιτρέπειν τὰ παρ' αὐτοῦ πραττόμενα» переведено: «а не творенми повелѣти, иже отъ него *творенимъ*». Или: «θαλάσσης ἡρεμούζης — морю *възмутившюсе*» ²⁾. Много примѣровъ и замѣны прошедшаго времени настоящимъ, напр.: «τὸ τε ἐπελθὼν στρατεύμα... δεδιότες — *боящеся*» ³⁾ и пр. 4) Наконецъ та же замѣна рѣшительно подтверждается и нашими договорами. Изъ нихъ ясно видно, что перемѣна временъ для переводчика не представляла никакой важности. Такъ, въ концѣ Олегова договора читаемъ: «на утврженіе же и неподвиженіе быти межи вами Хрестьяны и Русью *бывшій* миръ, сѣтворихомъ Ивановомъ написаніемъ», а черезъ пять строкъ, въ томъ же самомъ смыслѣ: «на утврженіе и извѣще-

¹⁾ Прилож. къ Обозр. Кормч. кн. В. Розенкампа, Сиб. 1839, стр. 27. Приведемъ здѣсь еще два примѣра: «ἐταρον δε βίου σχῆμα δάκειν» переведено: «и иного житія образъ пріяти, *рекше бывецъ паки быти*». Стр. 31 *ibid.* «ὀπίρτιθέσθω ἡ τούτου χειροτονία» переведено: «да преложится поставленіе его, *рекше да преждедѣся*». Стр. 57 и пр.

²⁾ Чт. и т. д., стр. 82.

³⁾ *Ibid.* стр. 96.

ніе межі вами *бывающаго* мира». И въ томъ и въ другомъ случаѣ рѣчь идетъ объ Олеговой договорной грамотѣ. Если переводчикъ не задумывался измѣнять времена въ одномъ и томъ же глаголѣ на пяти строкахъ, и при томъ въ мѣстѣ, которое онъ хотя нѣсколько понималъ, то почему же онъ не могъ позволить себѣ такого же измѣненія въ переводѣ выраженія, для него совершенно непонятнаго ¹⁾? Въ заключеніе же, для окончательнаго подтвержденія нашего мнѣнія, приведу одно мѣсто изъ стариннаго перевода Кормчей, гдѣ причастіе настоящаго времени *γινόμενος* переведено причастіемъ прошедшаго времени — *бывшій*: «καὶ ἐι εἶροί τῇν κρίσιν ὀρθῶς γινόμενῃν—аще обратится судъ *бывшій* право» ²⁾. Всѣ вышеприведенныя соображенія несомнѣнно убѣждаютъ въ томъ, что причастіе *бывшаго*, согласно со всѣмъ ходомъ нашего толкованія, нельзя понимать иначе, какъ *сущаго*, *находящагося*.

Такъ мы объясняемъ официальное выраженіе, озаглавливающее всѣ наши договоры: «равно другаго свѣщанія» и т. д. Если это объясненіе справедливо, то оно измѣняетъ и самый смыслъ мѣста, какъ показано выше. Всѣ измѣненія, какія мы позволили себѣ, состоятъ единственно въ замѣнѣ прошедшаго времени причастія настоящимъ и предлога *при* предлогомъ *у*. Сомнѣваемся, чтобы эти измѣненія можно было назвать смѣлыми. Относительно же словъ: *равно* и *свѣщаніе* мы ограничились только тѣмъ, что, на основаніи положительныхъ доказательствъ, придали имъ юридическое значеніе. Если же допустимъ справедливость всего предшествующаго толко-

¹⁾ Доказательствомъ того, что *γινόμενος*, *γενόμενος* и *γεγονώς* дѣйствительно были употреблены въ значеніи *сущій*, могутъ служить слѣдующіе примѣры, взятые изъ Прав. Собор. и Св. Отець: «διὰ τὸν πολλὸν τάραχον καὶ τὰς στάσεις τὰς γινόμενας. стр. 39, 5 прав.; παράνοια γὰρ καὶ παρὰ τάξιν ἐς τὸ γινόμενον. стр. 41, прав. 18; ἔδει δὲ μᾶλλον ἐλεῆσαι πρεσβύτερον... ἐν μακροῖς οὕτω γερόντο χρόνοις». стр. 55 и пр.

²⁾ Обзор. Корм. кн., стр. 72, прав. 54.

ванія, то уже необходимо должны признать слова: «и посла глаголя» вставленными самимъ лѣтописцемъ, не понимавшимъ смысла мѣста. Въ заключеніе всего разбора представимъ собственное чтеніе заглавій всѣхъ договоровъ. Въ Олеговомъ: послѣ словъ: «посла Олегъ мужи свои построить мира и положить ряды межи Греки и Русью» непосредственно слѣдуетъ самая договорная грамота, и прежде ея заглавіе: «равно другаго свѣщанія, бывшаго при тѣхъ же царихъ Льва и Александра», т. е. «списокъ съ другой договорной грамоты, находящейся у тѣхъ же царей Льва и Александра». Въ договорѣ Игоря, послѣ словъ: «приведоша Рускія слы, и велѣша глаголати, псати обоихъ рѣчи на харатьѣ» слѣдуетъ заглавіе: «равно другаго свѣщанья, бывшаго при цари Романѣ, и Костантинѣ, и Стефанѣ, христолюбивыхъ владыкъ», т. е. «списокъ съ другой договорной грамоты, находящейся у царей Романа, Константина и Стефана, Христолюбивыхъ владыкъ». Въ Святославовомъ договорѣ ¹⁾: «равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ велицѣмъ князи Русѣмъ и при Свѣналдѣ, писано при Ѳефелѣ синкелѣ и къ Ивану, нарицаемому Цѣмьскію, царю Гречьскому» и проч., т. е. «списокъ съ другой договорной грамоты, находящейся у Святослава, великаго князя Русскаго и у Свѣналда, и у Іоанна, именуемаго Цимискіемъ, царя Греческаго, писанный при Ѳеофилѣ и т. д. ²⁾». Здѣсь

¹⁾ Нѣкоторыя соображенія касательно заглавія Святославова договора, какъ дополненіе помѣщенныхъ здѣсь, см. ниже.

²⁾ Всѣ, предпринимавшіе объясненіе договоровъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, или вовсе не подозрѣвали возможности такого толкованія ихъ заглавій, или только отчасти угадывали указанный нами смыслъ послѣднихъ. Такъ, Татищевъ, рѣшительно не понимая значенія всѣхъ начальныхъ выраженій договоровъ, позволялъ себѣ самыя произвольныя и бездоказательныя предположенія, напр. въ Святославовомъ договорѣ измѣнилъ имя Святослава на Игоря потому, что, по его мнѣнію, слѣдовало въ этомъ случаѣ сослаться на Игоревъ договоръ. Карамзинъ, руководимый своимъ свѣтлымъ умомъ, весьма близко подошелъ къ истинному уразумѣнію слова *свѣщаніе*, сказавъ,

нельзя не обратить вниманія на слѣд. выраженіе Свято-славова договора: «да схранимъ правая свѣщанья». Какъ объяснить употребленіе въ немъ множеств. числа? Нѣтъ сомнѣнія, что оно употреблено съ цѣлью. Утверждающій тождество слова *свѣщанье* съ словами: *совѣщаніе*, *словесное соглашеніе*, долженъ предположить уже не одно, а по крайней мѣрѣ два такихъ предварительныхъ соглашенія. Съ одной стороны рѣшительное отсутствіе поводовъ предполагать нѣсколько переговоровъ, съ другой — вредъ, происходящій вообще отъ произвольныхъ предположеній въ науѣ, приводятъ къ тому заключенію, что въ настоящемъ случаѣ множеств. число должно объяснять

что подъ нимъ должно разумѣть *мирныя условія* (I. Прим. 411), но къ сожалѣнію, этимъ замѣчаніемъ и ограничился. Мнѣніе Эверса, лучшаго толкователя договоровъ съ юридической точки зрѣнія, наиболѣе обращаетъ на себя наше вниманіе. Подчиняясь господствующему объясненію рассмотрѣннаго нами выраженія, онъ положительно утверждаетъ, что подъ нимъ должно разумѣть предварительныя соглашенія Грековъ съ самими В. Князьями Русскими, предшествовавшія формальнымъ договорамъ (стр. 90—91. Срав. стр. 135 и др.), но въ то же время онъ уже имѣлъ истинное понятіе о его значеніи, хотя это значеніе представлялось ему смутно и неопредѣленно. Мы не можемъ не привести здѣсь слѣд. прекрасныхъ строкъ почтеннаго юриста: «впрочемъ приведенныя начальныя слова договоровъ можно объяснить и тѣмъ, что *всѣ три хартіи были писаны въ двухъ экземплярахъ, и что оба экземпляра имѣли одинаковую важность, но, для предотвращенія всякаго обмана, въ каждомъ ясно было замѣчено, что онъ совершенно согласенъ съ экземпляромъ, находящимся въ рукахъ другой договаривающейся стороны*» стр. 93, прим. 26. Такое колебаніе въ объясненіи для насъ весьма замѣчательно, потому что оно указываетъ именно на тотъ смыслъ выраженія, до котораго мы дошли путемъ самостоятельнаго изслѣдованія. Еще шагъ — и Эверсъ взглянулъ бы окомъ истины на выраженіе: «равно другаго свѣщанія», которое освѣтило бы яркимъ свѣтомъ его превосходныя соображенія касательно внѣшней формы заключенія договоровъ. Къ сожалѣнію, этотъ драгоценный намекъ не обратилъ на себя вниманія изслѣдователей нашей старины.

инымъ способомъ: оно употреблено по отношенію ко всѣмъ грамотамъ въ совокупности, хотя Греки имѣли въ виду по преимуществу два официальные экземпляра. Эти-то грамоты, или, что все равно, условія, въ нихъ заключающіяся, Святославъ клялся сохранять неизмѣнно, по правдѣ ¹⁾. — Послѣ подробнаго рассмотрѣнія выраже-

¹⁾ Въ концѣ Олегова договора упомянуто о двухъ экземплярахъ договорныхъ грамотъ: «сѣтворихомъ Ивановомъ написаньемъ на двою харотью, царя вашего и своею рукою» (стр. 16). О намекѣ въ Святославовомъ договорѣ на нѣсколько экземпляровъ мы упомянули выше. Подобныя же указанія въ договорѣ Игоря, по нашему мнѣнію, отличаются еще бѣльшею ясностію, и мы позволимъ себѣ относительно ихъ высказать здѣсь нѣкоторыя предположенія, не ручаясь впрочемъ за ихъ несомнѣнность. Эти указанія суть слѣд.: «мы же свѣщащемъ все написаномъ на двою харатью, и едина харатья есть у царства нашего, на ней же есть крестъ и имена наша написана, а на другой сли ваши и гостье ваши». И далѣе: «а отходяче со словъ царства нашего, да допроводить къ великому князю Рускому Игореву и къ людямъ его; и ти приимающе харатью, на роту идутъ хранить истину, яко мы свѣщахомъ, написаномъ харатью сію, на ней же суть имена наша написана» (стр. 22). Не справедливо-ли предположеніе, что здѣсь говорится о трехъ грамотахъ: двѣ изъ нихъ были съ Византійской и одна съ Русской стороны. Сначала было сказано, что одна изъ двухъ грамотъ, съ крестомъ и именами договаривавшихся Грековъ, осталась у Визант. Императоровъ, а потомъ видимъ, что точно такая же грамота была отправлена въ Русь съ Русскими и Визант. послами; на этой послѣдней Русскій В. Князь и Русскій народъ должны были присягать въ соблюденіи всѣхъ, заключающихся въ ней условій. Наконецъ упоминается о грамотахъ съ именами Русскихъ пословъ и гостей. Если же точно такъ должно понимать два вышеприведенныя мѣста и если, за неимѣніемъ положительныхъ свѣдѣній о формѣ заключенія нашихъ договоровъ, для ея объясненія, должно опять обратиться къ извѣстному разсказу Менандра о заключеніи договора между Греками и Персами, то подъ грамотой, отправленной въ Кіевъ и оставшейся въ Константинополѣ, съ именами Русскихъ пословъ и гостей, должно разумѣть официальные грамоты (*tabulae exaratae, quibus plenior fides haberetur*), а подъ третьею должно

нія: «равно другаго свѣщанія» обращаемся къ указанію другихъ синтаксическихъ особенностей, заключающихъ въ себѣ болѣе или менѣе ясные признаки Византійскаго вліянія.

Такая синтаксическая особенность представляется въ первомъ же періодѣ вступленія въ слѣд. словахъ: «*на удержаніе и на извѣщеніе* отъ многихъ лѣтъ межю Христіаны и Русью бывшюю любовь». Сюда относятся и другія, тою же особенностію отличающіяся выраженія: «на скхраненіе... любовь; на утвержденіе же и неподвиженіе быти межи вами Хрестьяны и Русью бывший миръ». Это рѣзкое отступленіе отъ самаго извѣстнаго правила согласованія при двухъ, связаннымъ между собою взаимною зависимостію, существительныхъ, по нашему мнѣнію, вполне объясняется стараніемъ переводчика сохранить неизмѣннымъ подлинникъ, даже относительно порядка въ немъ словъ. Какъ часто случается видѣть, что, начавъ правильно переводить длинный періодъ, съ соблюденіемъ правилъ словосогласованія и словоуправленія на родномъ ему языкѣ, и слѣдуя неуклонно отъ одного слова къ другому, онъ скоро теряетъ связь между предложеніями, а равно и между словами, связанными между собою непосредственнымъ управленіемъ, но, согласно съ искусственностію Визант. склада рѣчи, чѣмъ-либо раздѣленными. Оттого такая отдаленная зависимость переводится иногда независимо отъ управляющаго ею слова, въ той же формѣ, въ какой она находилась въ подлинникѣ, потому что переводчикъ уже забылъ объ этомъ управленіи, съ тѣмъ вмѣстѣ потерявъ и смыслъ, заключающійся въ періодѣ. Представимъ нѣсколько примѣровъ этого явленія, замѣчаемаго иногда неоднократно на одной и той же стра-

разумѣть списокъ, копію *ad solam rei gestae memoriam*. Здѣсь недостаетъ только четвертой грамоты — списка, вѣроятно, также отправленнаго въ Кіевъ. О ней, какъ необходимой для однихъ Руссовъ, весьма легко могли не упомянуть Греки, составители грамотъ, упомянувъ только о двухъ, оставшихся у нихъ.

ницѣ: «περὶ τῶν σεισμῶν τῶν ἐπικειμένων τῇ πόλει — о належащихъ граду трууса; ἅμα Ἰωάννῃ Ἀγιοπολίτῃ, λογίῳ πάντο ὄντι—съ Иоанномъ святоградцемъ, *умну зпло сушу*» (Чт. и т. д. стр. 100); οὐδὲ γὰρ ἔλαθον τὴν αὐτοῦ ἐγρηγορωτάτην καὶ γενναίαν ψυχὴν — никакoже бо можаху утaитися ихъ *бодрую его и доблюю его душу*» (ibid. стр. 96). Здѣсь переводчикъ, не обращая вниманія на управленіе глагола *утаитися*, буквально переводить Греч. винит. падежъ, зависящій отъ ἔλαθον. Не то же ли самое явленіе видимъ мы и въ вышеприведенныхъ выраженіяхъ договора? Не ясно ли, что винит. падежъ *любовь* зависить отъ существительныхъ: *схраненіе, извѣщеніе, утверженіе и неподвиженіе*, что переводчикъ забылъ о послѣднихъ и Греч. винительный падежъ перевелъ буквально съ подлинника, не думая, что отъ того происходитъ безпорядочность въ словосогласованіи? Въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Но теперь должно рѣшить другой вопросъ: какъ объяснить винит. падежъ *любовь*, когда и въ Греч. языкѣ существительное, зависящее отъ другаго существительнаго, ставится въ родит. падежъ? Мы вполне убѣждены, что вмѣсто существительныхъ: *схраненіе, извѣщеніе и проч.* въ Визант. подлинникѣ были глаголы: *φυλάσσειν* и др., что въ немъ употребленъ извѣстный оборотъ: *εἰς τὸ φυλάσσειν* и проч., въ которомъ, какъ неестественномъ для Русскаго языка, при переводѣ, неокончательное наклоненіе измѣнено въ существительное, между тѣмъ какъ винит. падежъ, зависящій въ подлинникѣ отъ глагола, невѣрно удержанъ переводчикомъ ¹⁾. При этомъ нельзя сомнѣваться въ воз-

¹⁾ Все эти выраженія договора я переложилъ бы на Греч. языкъ такъ: «εἰς τὸ ἐπέχειν τὴ καὶ ἐπαγγέλλειν ἀπὸ πολλῶν χρόνων μεταξὺ χριστιανῶν καὶ τῶν Ῥῶς γενομένην ἀγάπην». «εἰς τὸ φυλάσσειν μεθ' ὧν Ῥωμαίων ὁμολογία καὶ ἀπογραφὴ μεθ' ὅρκου ἐπαγγελλομένην ἀγάπην». «εἰς τὸ βεβαιοῦν τε καὶ ἀκινεῖν (или какъ въ одномъ мѣстѣ у Θεοφάνου продолжателя: εἰς τὸ βεβαιοῦν τε καὶ ἐμπεδοῦν Theoph. Cont. I, p. 31, lin. 13)... γενομένην εἰρήνην».

возможности измѣненія упомянутаго неокончат. наклоненія въ существительное, потому что въ старинныхъ переводахъ мы весьма часто встрѣчаемъ и нѣкоторые видоизмѣненія оборотовъ подлинника, доказывающихъ, что переводчики заботились и объ ясности выраженія, напр.: ἡ συγκλητικὴ βούλη — съвѣтъ вельмужи (Чт. и пр., стр. 91). Мы не говоримъ уже о такихъ переводахъ съ Греч. языка, которые имѣли болѣе или менѣе важное значеніе въ общественной жизни древней Руси, каковы переводы дѣйствовавшихъ у насъ Визант. законовъ. Въ нихъ не рѣдко встрѣчаются видоизмѣненія, происходящія отъ примѣненія какого-либо узаконенія къ нашимъ потребностямъ, къ нашему общественному быту. На основаніи представленныхъ соображеній, мы съ увѣренностію полагаемъ, что всѣ упомянутыя выраженія договоровъ — неправильный переводъ общеупотребительнаго Греческаго оборота εἰς τὸ съ неокончат. наклоненіемъ вм. существительнаго. Кромѣ того, по причинѣ господствовавшихъ на Визант. языкѣ беспорядочности и непослѣдовательности въ конструкціи, можно предположить, что одно выраженіе, напр. на *удержаніе*, соотвѣтствуетъ Греч. εἰς ἐποχὴν, между тѣмъ какъ другое — εἰς τὸ ἐπαγγέλλειν, εἰς τὸ φυλάσσειν, отъ которыхъ и зависитъ винит. падежъ *любовь*. Примѣръ точно такой беспорядочности мы находимъ въ опредѣленіи назначенія μεγάλου χαρτοφύλακος, приведенномъ Дюканжемъ въ его словарь: «ὁ μέγας χαρτοφύλαξ εἰς τὸ μεσάζειν καὶ εἰς τὰς σημειώσεις» (=σημειῶν).

Выраженіе: «*иже суть подъ рукою его сущихъ Руси*», равно: «*иже отъ Бога суща*» и т. под. намъ кажутся буквально переведенными съ Греч. языка (τῶν ὑπὸ χεῖρα αὐτοῦ ὄντων Ῥως и οἱ ἀπὸ Θεοῦ ὄντες), на которомъ замѣтна особая склонность къ причастіямъ, даже когда эти послѣднія не имѣютъ опредѣленнаго значенія напр.: «*τὴν ὁρᾶν ἔργα χειρῶν καὶ τόλμης γιγνόμενα ἔμπλεα*» (Leo Dias. I. 15), гдѣ причастіе не имѣетъ никакого значенія; или: «ὁ βασιλεὺς ἐξέρχεται τὴν οὐσαν

ницѣ: «περὶ τῶν σεισμῶν τῶν ἐπικειμένων τῇ πόλει — о належащѣмъ граду трууса; ἅμα Ἰωάννῃ Ἀγιοπολίτῃ, λόγιῳ πάντο ὄντι—съ Иоанномъ святоградцемъ, умну зѣло сущу» (Чт. и т. д. стр. 100); οὐδὲ γὰρ ἔλαθον τὴν αὐτοῦ ἐγρηγορωτάτην καὶ γενναίαν ψυχὴν — никакoже бо можаху утѣнися ихъ *бодрю его и доблюю его душу*» (ibid. стр. 96). Здѣсь переводчикъ, не обращая вниманія на управленіе глагола *утаитися*, буквально переводить Греч. винит. падежъ, зависящій отъ ἔλαθον. Не то же ли самое явленіе видимъ мы и въ вышеприведенныхъ выраженіяхъ договора? Не ясно ли, что винит. падежъ *любовь* зависитъ отъ существительныхъ: *схраненіе, извѣщеніе, утверженіе* и *неподвиженіе*, что переводчикъ забылъ о послѣднихъ и Греч. винительный падежъ перевелъ буквально съ подлинника, не думая, что отъ того происходитъ безпорядочность въ словосогласованіи? Въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Но теперь должно рѣшить другой вопросъ: какъ объяснить винит. падежъ *любовь*, когда и въ Греч. языкѣ существительное, зависящее отъ другаго существительнаго, ставится въ родит. падежъ? Мы вполне убѣждены, что вмѣсто существительныхъ: *схраненіе, извѣщеніе* и проч. въ Визант. подлинникѣ были глаголы: φυλάσσειν и др., что въ немъ употребленъ извѣстный оборотъ: εἰς τὸ φυλάσσειν и проч., въ которомъ, какъ неестественномъ для Русскаго языка, при переводѣ, неокончательное наклоненіе измѣнено въ существительное, между тѣмъ какъ винит. падежъ, зависящій въ подлинникѣ отъ глагола, невѣрно удержанъ переводчикомъ¹⁾. При этомъ нельзя сомнѣваться въ воз-

¹⁾ Все эти выраженія договора я переложилъ бы на Греч. языкъ такъ: «εἰς τὸ ἐπέχειν τὲ καὶ ἐπαγγέλλειν ἀπὸ πολλῶν χρόνων μεταξὺ χριστιανῶν καὶ τῶν Ῥῶς γενομένην ἀγάπην». «εἰς τὸ φυλάσσειν μεθ' ὧν Ῥωμαίων ὁμολογία καὶ ἀπογραφὴ μεθ' ὅρκου ἐπαγγελλομένην ἀγάπην». «εἰς τὸ βεβαιοῦν τε καὶ ἀκινεῖν (или какъ въ одномъ мѣстѣ у Θεοφάνου продолжателя: εἰς τὸ βεβαιοῦν τε καὶ ἐμπροσθὺν Theoph. Cont. I, p. 31, lin. 13)... γενομένην εἰρήνην».

возможности измѣненія упомянутаго неокончат. наклоненія въ существительное, потому что въ старинныхъ переводахъ мы весьма часто встрѣчаемъ и нѣкоторые видоизмѣненія оборотовъ подлинника, доказывающихъ, что переводчики заботились и объ ясности выраженія, напр.: ἡ συγγλητικὴ βούλη — съвѣтъ вельмужи (Чт. и пр., стр. 91). Мы не говоримъ уже о такихъ переводахъ съ Греч. языка, которые имѣли болѣе или менѣе важное значеніе въ общественной жизни древней Руси, каковы переводы дѣйствовавшихъ у насъ Визант. законовъ. Въ нихъ не рѣдко встрѣчаются видоизмѣненія, происходящія отъ примѣненія какого-либо узаконенія къ нашимъ потребностямъ, къ нашему общественному быту. На основаніи представленныхъ соображеній, мы съ увѣренностію полагаемъ, что всѣ упомянутыя выраженія договоровъ — неправильный переводъ общеупотребительнаго Греческаго оборота εἰς τὸ съ неокончат. наклоненіемъ вл. существительнаго. Кромѣ того, по причинѣ господствовавшихъ на Визант. языкѣ безпорядочности и непоследовательности въ конструкціи, можно предположить, что одно выраженіе, напр. на *удержаніе*, соответствуетъ Греч. εἰς ἐποχὴν, между тѣмъ какъ другое — εἰς τὸ ἐπαγγέλλειν, εἰς τὸ φυλάσσειν, отъ которыхъ и зависитъ винит. падежъ *любовь*. Примѣръ точно такой безпорядочности мы находимъ въ опредѣленіи назначенія μεγάλου χαρτοφύλακος, приведенномъ Дюканжемъ въ его словарь: «ὁ μέγας χαρτοφύλαξ εἰς τὸ μεσάζειν καὶ εἰς τὰς σημειώσεις» (=σημειῶν).

Выраженіе: «*иже суть подъ рукою его сущихъ Руси*», равно: «*иже отъ Бога сущи*» и т. под. намъ кажутся буквально переведенными съ Греч. языка (τῶν ὑπὸ χεῖρα αὐτοῦ ὄντων Ῥῶς и οἱ ἀπὸ Θεοῦ ὄντες), на которомъ замѣтна особая склонность къ причастіямъ, даже когда эти послѣдніе не имѣютъ опредѣленнаго значенія напр.: «τὴν ὁρᾶν ἔργα χειρῶν καὶ τόλμης γιγνόμενα ἔμπλεα» (Leo Diac. I. 15), гдѣ причастіе не имѣетъ никакого значенія; или: «ὁ βασιλεὺς ἐξέρχεται τὴν οὐσαν

πρὸς τὰ γραδῆλια μέσσην πύλην τοῦ νάρθηκος (Cerem. p. 196, lin. 5); Μάγιστρον Βάρδαν, φ' Σκληρὸς ἡ ἐπίκλησις, ὁμαίμονα τῆς ἀποιχομένης Μαρίας.... τογγάνοντα (Leo Diac. III, 107, lin. 15) и проч. Также часто у Византийцевъ употребляются причастія: πεφυκὼς, ὑπάρχων, τελλῶν и др.

Равнымъ образомъ наклонность къ знаменательнымъ причастіямъ весьма замѣчательна. Такъ, у Константина въ одномъ предложеніи девять причастій (Cerem. p. 517. lin. 2 и пр. cf. de velit. bell. XXV, p. 225. Leo Diac. VI, 106, lin. 5, VII, 117. lin. 5 и пр.). По той же наклонности, Византийцы употребляли описанія съ причастіями вмѣсто одного глагола, напр. καταπειθῆς γεγρονὼς вмѣсто καταπυθόμενος (Leo Diac. III, 49. lin. 20) и пр. Сюда же относится употребленіе причастій вмѣсто другихъ формъ глагола, напр. вмѣсто неоконч. наклоненія. Приведу здѣсь гордый отвѣтъ Святослава Цимискію: «οὐδερμίαν ἀνάγκην τὸν αὐτοκράτορα Ῥωμαίων ὥς ἡμᾶς ἀφικέσθαι ὁρῶ καταπείγουσαν διὸ μὴ κάμῃ μέχρι τῆς δὲ τῆς γῆς ἀφικόμενος (= ἀφικέσθαι)». Leo Diac. VI, 106, lin. 20. Или: «ὁ δὲ αὐτοκράτωρ αἰκίαις καταξάναι τὸν αὐτοφονευτὴν ἑαυτοῦ τῷ λοχαγῷ ἐγκελεύεται ἐκτεμόντι (= ἐκτεμεῖν) τε καὶ ρίνα θεατρίσαι κατὰ τὸ στρατόπεδον» ¹⁾. Изъ предложенныхъ примѣровъ видно, что причастная конструкція была въ величайшемъ употребленіи на Визант. языкѣ, а потому едва ли не будетъ правдоподобно предположеніе, что по крайней мѣрѣ случаи употребленія беззнаменательныхъ причастій въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ (къ нимъ относятся и вышеприведенныя выраженія договоровъ) обязаны своимъ происхожденіемъ языку Византийскому. Появившіяся сначала въ переводѣ Св. Писанія и Богослужебныхъ книгъ, потомъ перешедшія въ духовное краснорѣчіе и отличавшіяся, по самой сущности своей, нѣкоторою величавостію и торжественностію, причастныя конструкціи мало по малу

¹⁾ Leo Diac. VI. 57. lin. 20.

проникли и въ лѣтописи и встрѣчаются, хотя весьма рѣдко, въ тѣхъ ихъ мѣстахъ, которыя запечатлѣны истинно разговорнымъ характеромъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ лѣтописи Нестора: «что придосте съ хромьцемъ симъ, о вы плотници *суще* (стр. 61); Боголюбивому князю Ярославу, любящу Берестовое и церковь ту *сущую* Св. Апостолъ (67); и видѣ ту монастыря *суща*» (67) и пр. Что же касается до другихъ причастныхъ конструкцій, — изъ которыхъ наиболѣе употребительна въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ та, которая состоитъ изъ распространенія одного глагола на его причастіе и глаголъ вспомогательный ¹⁾, — то онѣ могутъ принадлежать къ характеристическимъ чертамъ синтаксиса древне-русскаго языка. То же повсемѣстное господство разнообразныхъ причастныхъ конструкцій на Визант. языкѣ уполномочиваетъ насъ признать приведенныя выраженія договора буквально переведенными съ Визант. подлинника.

Въ слѣдующемъ періодѣ мы остановимся на причастіи *хотящихъ* и на выраженіи: «но точію простословесень». Первое обыкновенно, безъ всякаго объясненія, читаютъ вмѣсто *хотящи*, относя его къ существ. *свѣтлость*, хотя форма *хотящихъ* находится во всѣхъ спискахъ, кромѣ Троицкаго, гдѣ это слово совсѣмъ пропущено. Это согласіе списковъ такъ важно, что въ томъ и другомъ случаѣ необходимо объясненіе упомянутой формы. Мы полагаемъ, что въ подлинникѣ употреблено было βουλόμενοι ²⁾, согласно съ общеизвѣстнымъ обычаемъ употреблять

¹⁾ Напр.: Бяху ловяща звѣрь (Полн. Соб. Р. Лѣт. стр. 4); си суть свой языкъ имуще (стр. 5); идѣже бяху лежаще кости его голы (16); бѣ бо тогда вода текущи въздолѣ горы Кіевскія (23) и пр. Особенно замѣчательно слѣд. мѣсто по обилію причастій: «Олеѣ же и Борисъ придоста Чернигову, мняще одолѣвши, а землѣ Русьскѣй много зла створше, проливше кровь хрестіянську» (стр. 86).

²⁾ Мы представляемъ себѣ эту мысль въ подлинникѣ выраженною такъ: «ἡ ἡμετέρα περιφάνεια τῶν ἄλλων μᾶλλον βουλόμενοι».

множеств. число вмѣсто единственнаго. Перелагая это причастіе множественнымъ числомъ, переводчикъ забывъ, а можетъ быть и не понималъ, что оно относится къ существит. περιφάνεια, и, нисколько не затрудняясь, согласилъ его съ рядомъ стоящимъ родит. падежемъ (ἄλλον). Примѣровъ такого блужданія переводчика и смѣшенія надежей въ предъидущемъ предложеніи мы представили довольно. Отсюда видно, что было бы правильнѣе признавать форму *хотящихъ* равною *хотяще*, нежели *хотящи*, и относить ее также къ существ. *свѣтлость*, которое, какъ титулъ князя, требуетъ послѣ себя причастія во множеств. числѣ. Важно то, что мы въ состояніи объяснить себѣ происхождение этой неправильной формы, не приписывая ее позднѣйшему переписчику, что всегда бываетъ удобнѣе, а самому переводчику, при чемъ сохраняется также важность отсутствія варіантовъ. Обращаемся къ объясненію выраженія: «но точію простословесенъ».

Все мѣсто, среди котораго находится упомянутое выраженіе, мы читаемъ такъ: «наша свѣтлость болѣ инѣхъ хотящихъ же о Бозѣ удержати и извѣстити такую любовь, бывшую межю Христіаны и Русью, многажды право судихомъ, (но точію простословесенъ), и писаніемъ и клятвою твердою» и т. д., а потому не соглашаемся съ чтеніемъ г. Бѣляева, который нарѣчіе *многажды* относитъ къ предшествующему предложенію и съ этимъ послѣднимъ непосредственно соединяетъ предложеніе: «но точію простословесенъ» ¹⁾. Дѣйствительно, если еще можно допустить соединеніе *многажды* съ предъидущимъ предложеніемъ, потому что отъ того нисколько не страдаетъ текстъ, то перестановка упомянутаго выраженія рѣшительно невозможна безъ явнаго вреда тексту. Присвоивая себѣ право размѣщать слова по собственному произволу

¹⁾ Наша свѣтлость болѣ инѣхъ хотящи еже о Бозѣ удержати и извѣстити такую любовь, бывшую межю Христіаны и Русью многажды, но точію просто словесемъ (Изв. Имп. Ак. Н. т. I, стр. 321).

въ древнѣйшихъ памятникахъ, развѣ только потому, что намъ не понятна мысль, мы вносимъ хаосъ въ область филологической критики: понятно, что изъ 20 или 30 словъ періода можно сдѣлать нѣсколько сочетаній, изъ которыхъ каждое или дастъ новую мысль, или одной и той же мысли придастъ особые оттѣнки. Мы съ такимъ уваженіемъ смотримъ на древнія хартіи и видимъ такой вредъ для нихъ отъ упомянутого новаго права, что отвергаемъ его безусловно. Подобныхъ перестановокъ мы допустить не можемъ уже и потому, что намъ извѣстны приемы старинныхъ нашихъ переводчиковъ: они могли терять изъ вида связь между предложеніями періода, между частями предложенія, перепутывать различныя управленія, различныя зависимости, но, слѣдуя въ переводѣ неуклонно отъ одного слова къ другому, не могли производить никакихъ перемѣщеній не только въ цѣлыхъ предложеніяхъ, но и въ словахъ одного и того же предложенія. Если же и могло когда-либо случиться подобное перемѣщеніе, — мы не имѣемъ на то примѣровъ, — то оно составляетъ величайшую рѣдкость, а потому на него и не долженъ расчитывать толкователь. Нельзя также не видѣть и замѣчательной странности перемѣщенія: возможно ли предположить, чтобы переводчикъ цѣлое выраженіе, относящееся къ предъидущему предложенію, помѣстилъ послѣ сказуемаго послѣдующаго предложенія? Какъ же объяснить это выраженіе? 1) На основаніи принятаго нами правила и мнѣнія о старинныхъ нашихъ переводчикахъ, мы оставляемъ его на томъ мѣстѣ, на какомъ оно дошло до насъ отъ отдаленной древности; 2) разсматриваемъ его какъ вводную, прибавочную мысль, которую теперь отдѣлили бы скобками, и относимъ ее непосредственно къ выраженію: «многажды право судихомъ»; 3) мы видимъ здѣсь извѣстную фигуру *ἑὸς ἡμῶν*, въ силу которой въ настоящемъ случаѣ глаголъ (судихомъ), относящійся къ двумъ предложеніямъ, находится только въ одномъ, а въ другомъ подразумѣвается, такъ что полная мысль имѣла бы слѣдующій видъ: «мы много

разъ справедливо разсуждали» (но только *разсуждали* словесно) и т. д. ¹⁾ 4) Наконецъ прилагат. *простословесенъ* мы также оставляемъ безъ всякаго измѣненія и признаемъ его неправильнымъ переводомъ Греч. ἀπλόλογον, употребленнаго вмѣсто нарѣчія (ἀπλολόγως). Весьма естественно, что переводчикъ, не понимая, къ чему должно относить прилагат., и припавъ средній родъ за мужескій, невѣрно перевелъ *простословесенъ* ²⁾. Согласны, что сущность мысли при томъ и другомъ чтеніи остается одна и та же, но мы должны сохранить древній текстъ, какъ скоро есть какое-либо средство объяснить его. Старина могла ошибаться, а мы должны объяснять, какъ и почему она ошибалась, потому что самая ошибка старины, какъ ее характеризующая, для насъ поучительна. Такъ и здѣсь: ошибка во-первыхъ служитъ новымъ доказательствомъ перевода, по крайней мѣрѣ того періода, а во-вторыхъ подтверждаетъ высказанное выше мнѣніе объ общихъ пріемахъ старинныхъ нашихъ переводчиковъ. Весь этотъ періодъ въ Византійскомъ подлинникѣ мы представляемъ себѣ въ слѣдующемъ видѣ: «ἡ ἡμετέ-

¹⁾ Впрочемъ здѣсь можно предположить и то, что переводчикъ сохранилъ одинъ только глаголъ изъ двухъ, находившихся въ подлинникѣ. Такія ошибки переводчиковъ, а еще болѣе позднѣйшихъ переписчиковъ, весьма многочисленны и понятны, особенно если припомнимъ, что они занимались своимъ дѣломъ механически. Въ доказательство можно привести также слѣдующія слова изъ статьи объ убійствѣ: «дондеже обрящется, яко да умреть». Здѣсь, безъ сомнѣнія, опущено выраженіе: «аще ли обрящется», находящееся въ сходной статьѣ Игорева договора (стр. 22). Нерѣдко случается и съ нами при перепискѣ сходныхъ или повторяющихся выраженій перемѣшивать цѣлыя строки и вмѣсто двухъ выраженій писать одно.

²⁾ Впрочемъ, на основаніи часто весьма отдаленнаго помѣщенія опредѣленія отъ опредѣляемаго слова на Визант. языкѣ, можно предположить, что ἀπλόλογον, какъ прилагат. двухъ окончаній, можетъ относиться и къ ἀγάπην. Въ такомъ случаѣ переводчикъ еще легче могъ потерять связь его съ послѣднимъ существительнымъ и перевести муж. родомъ — *простословесенъ*.

ρα περιφάνεια μᾶλλον τῶν ἄλλων βουλόμενός τε ἐν θεῷ ἐπέχειν τε καὶ ἐπαγγέλλειν τοιαύτην τὴν ἀγάπην γενομένην μεταξὺ τῶν χριστιανῶν καὶ τῶν Ῥῶς, πολλάκις δίκαιον ἐκρίναμεν (ἀλλὰ μόνον ἀπλόλογον, т. е. ἐκρίναμεν) καὶ ἀπογραφῇ καὶ ὅρκῳ βεβαίῳ, ὁμύσαντες τοῖς ὅπλοις εἰαυτῶν, τοιαύτην τὴν ἀγάπην ἐπαγγέλλειν τε καὶ βεβαιοῦν κατὰ τὴν πίστιν καὶ κατὰ τὸν νόμον ἡμῶν».

Въ слѣдующемъ предложеніи замѣчательно употребленіе двухъ союзовъ: *яко понеже*, изъ которыхъ послѣдній, по нашему мнѣнію, едва-ли можно почитать за союзъ уже потому, что онъ здѣсь совершенно лишній и не имѣть никакого смысла. Болѣе правильный видъ приметъ все выраженіе, когда мы *понеже* будемъ разсматривать состоящимъ изъ двухъ частей — предлога *по*, управляющаго винит. надежемъ, и мѣстоименія (по неже вм. по няже = по нѣже), относящагося къ *главы*. Исканіе же формы мѣстоименія могло произойти отъ невѣжества переписчика, смѣшавшаго его съ союзомъ. Въ такомъ случаѣ глаголь *иматися* сочинялся бы правильно съ предлогомъ *по* (иматися по дань и проч.) ближайшей и съ предлогомъ *о* отдаленной зависимости. Что *понеже* дѣйствительно имѣетъ значеніе мѣстоименія съ предлогомъ, можно видѣть изъ слѣд. словъ Игорева договора: «аще ускочитъ челядинъ (нашъ), *по неже* придуть въ страну царствія нашего» (стр. 21), а равно и изъ слѣд. мѣста Несторовой лѣтописи: «а отъ перваго лѣта Олгова, *по неже* сѣдѣ на Кіевѣ...» (стр. 8). Въ заключеніе приведемъ здѣсь изъ древнѣйшаго перевода одно мѣсто, по внѣшней формѣ сходное съ разсматриваемымъ: «*бывають* убо отъ Адама до начала царства Августова... лѣтъ 5437», чему въ Визант. подлинникѣ соотвѣтствуетъ: «*γίνονται οὖν πάντα ἀπὸ Ἀδὰμ ἕως ἀρχῆς βασιλείας Αὐγούστου ἔτη* ^ϥονζ».

Въ выраженіи, начинающемъ собою самую статью: «а о головахъ, иже ся ключитъ проказа», мы не можемъ не обратить вниманія на частицу *иже*, которая здѣсь, очевидно, не имѣетъ значенія мѣстоименія, а союза *если*.

Замѣчая другіе случаи употребленія *иже* въ договорахъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что оно въ именит. падежѣ утратило свою неизмѣняемость по родамъ, напр.: «часть та, *иже* ищетъ неятаю вѣры; часть его, сирѣчь *иже* его будетъ по закону». Равно и въ словахъ: «а иже на убившаго», если принять чтеніе древнѣйшаго Лаврент. списка, *иже* имѣетъ тотъ же характеръ ¹⁾.

Отсюда видно, что *иже* въ Олеговомъ договорѣ употребляется съ характеромъ неизмѣняемой частицы, въ одной и той же формѣ для всѣхъ родовъ, откуда уже недалеко переходъ къ значенію союза, какое оно дѣйствительно имѣетъ въ первомъ случаѣ ²⁾. Трудно представить въ этомъ случаѣ вліяніе Визант. подлинника, особенно потому, что и въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ, напр. Новгородскихъ, замѣтно употребленіе *иже* безъ правильного согласованія ³⁾. Мы даже полагаемъ, что *иже* въ выра-

¹⁾ Присоединимъ сюда еще слѣд. мѣсто Олегова договора: «оже обратиться Русинъ или Гречинъ», гдѣ *оже* Лаврент. списка въ Хлѣбн. замѣнено *иже*, а въ Радз. и Троиц. *аще*.

²⁾ Подобное несогласованіе встрѣчается и во множеств. числѣ, напр. въ такъ называемыхъ узаконеніяхъ Константина: «да не будетъ пьяница, ни которы имуща съ тѣми, *иже* начнутъ строити» (Рус. Дост. II, стр. 196). И на оборотъ, вмѣсто сред. рода множ. числа встрѣчается мужескій: «а не творении повелѣти, *иже* отъ него сѣтворенимъ», что въ Визант. подлинникѣ выражено: «καὶ μὴ ἀποτελέσμενα ἐπιτρέπειν τὰ παρ' αὐτοῦ πραττόμενα». Чт. и т. д., стр. 80.

³⁾ Въ старинныхъ переводахъ съ Греч. языка *иже* весьма часто переводитъ членъ, чѣмъ всегда затемняетъ мысль, напр.: «ὁ παρ' αἰγιαλοῖς Ὀρέντης — *иже* приморьскій Рентіе» (Чт. и т. д. стр. 79); «τῶν ἀνδρῶν τῶν εὐκόλως ὑποκλεπτομένων εἰς τὰ τοιαῦτα ὑπὸ διαβόλου — *иже* удобъ украдаемимъ въ таковая отъ діавола» (ibid. стр. 80) и пр. Весьма замѣчательно, что *иже*, съ значеніемъ члена, встрѣчается весьма часто и въ Русскихъ лѣтописяхъ, напр. въ лѣтописи Нестора: «яже нынѣ зовомая Русь» (стр. 11) и пр. Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ Сербскаго перевода г. Амартола: «εἰς ἀποτροπὴν ζῶων τετραπύδων — *иже* възбраніе скотомъ четверногимъ (Чт. стр. 79); καὶ (ὅτι) σατανικῶν ἔργων — *иже* сотовинъ»

женіи: «да часть его, сирѣчь иже его будетъ по закону» не относится къ слову *часть*, а употреблено въ средн. родѣ единств. числа, такъ что послѣднее предложеніе есть какъ бы толкованіе слова *часть*, имѣвшаго на Визант. юридическомъ языкѣ строго опредѣленный смыслъ, но, конечно, не имѣвшаго его на Русскомъ. Это, вѣроятно, одно изъ тѣхъ толкованій, которыми испещрены Визант. законы, когда еще не установилась юридическая терминологія, или вообще въ родѣ тѣхъ, какія нерѣдко встрѣчаются въ старинныхъ нашихъ переводахъ, при словахъ не вполне понятныхъ или малоупотребительныхъ ¹⁾. Оно могло быть помѣщено даже на полѣ и быть внесено въ текстъ позднѣйшимъ переписчикомъ, могло быть въ текстѣ Визант. подлинника и оттуда перейти въ Русскій переводъ. Не имѣя въ настоящее время положительныхъ свидѣтельствъ на то, что слово *часть* въ древнѣйшихъ переводахъ дѣйствительно было предметомъ подобнаго толкованія, я ограничусь слѣд. примѣромъ изъ статьи о раздѣленіи добычи изъ такъ называемыхъ узаконеній Константина: «ὁ εὐρισκόμενος στρατηγὸς ἐκ τοῦ εἰρημέ-
νου ἑκτοῦ μέρους τοῦ δημοσίου ἵνα παράσχη: князь или воевода въ то время отъ урочнаго урока княжа да подается» ²⁾, а послѣ уже читаемъ: «яко же лѣпо есть, да

скупими дѣлы (ibid. стр. 80); πρὸς ἀνθρώπων ἀπειροχάλων — на прѣльщеніе челоуѣкомъ неискуснымъ о добрѣ. На оборотъ: «τοῖς ἐνδοθεν — сущимъ» (ibid. стр. 82) и пр.

¹⁾ Примѣры подобныхъ толкованій будутъ приведены ниже.

²⁾ Русск. Дост. II, 148. Срв. Обзор. Корм. Кн. стр. 133. Здѣсь же видно, что переводчикъ избѣгалъ этого слова: «κατὰ δὲ τὴν μερίδα εὐρισκόμενον — иже обрѣтается»; или: «ἡ μερίς τῶν ἐν τοῖς τοῦλοις ἀπερχομένων — и остаются на стану» (стр. 148). Мы заимствуемъ примѣры изъ такъ называемыхъ Узаконеній Констант. потому, что переводъ ихъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ первымъ временамъ Христіанства въ Руси и языкъ ихъ отличается глубокою древностію. См. предисл. Дубенскаго Руск. Достоп. II, 139. Обзор. Корм. стр. 118.

емлеться *по части*». Смыслъ разсматриваемаго мѣста останется въ сущности одинъ и тотъ же: «чтобы часть его, т. е. что будетъ его по закону» и т. д. Точно такое же значеніе придаемъ мы мѣстоименію въ выраженіи: «а иже на убившаго», если допускаемъ чтеніе древнѣйшаго Лаврент. списка. Толкователи договоровъ ¹⁾ читаютъ это мѣсто: «а и жена убившаго». Не говоря объ основномъ правилѣ филологической критики — предпочитать труднѣйшее чтеніе легчайшему, мы не находимъ никакой причины не признавать этого мѣста совершенно сходнымъ съ предъидущими, заключающими въ себѣ *иже* въ смыслѣ частицы. Правда, сохраняя труднѣйшее чтеніе, мы получаемъ почти ту же мысль, но во-первыхъ только *почти*, а во-вторыхъ сохраняемъ неприкосновеннымъ интересъ языка. Въ такомъ случаѣ смыслъ разсматриваемаго выраженія будетъ слѣдующій: «а *что* (приходится) на убившаго (то есть на его *семью*, не причастную злодѣянію), то онъ имѣетъ столько, сколько придетъ по закону». Отсюда видно, что здѣсь идетъ рѣчь не объ одной женѣ, а о всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ право на имущество убившаго: по этому закону на долю послѣднихъ приходится столько, сколько оставалось послѣ вознагражденія родственниковъ убитаго. Понятно также, что второе предложеніе: «да имѣетъ тольцѣмъ же *прибудетъ по закону*» не имѣетъ грамматическаго подлежащаго, которое логически должно извлечь изъ сущности мысли. Намъ нисколько не будетъ затруднять это обстоятельство, когда припомнимъ ту свободу, какая господствовала въ этомъ отношеніи въ древне-Русскомъ синтаксисѣ, и когда обратимъ вниманіе на сходныя мѣста въ самыхъ договорахъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ лѣтописи Нестора: «медь бо каплетъ отъ устъ ея... послѣди же горчае золчи обращуть (стр. 34) ²⁾»; не суть то бози, но дре-

¹⁾ Шлецеръ (Несторъ II, 711), а за нимъ Эверсъ (Др. Рус. Пр. стр. 159) и др.

²⁾ Это весьма замѣчательный примѣръ употребленія име-

во; днесъ есть, а утро изыгнѣтъ (35); кладязи, яже суть за тобою отъ вѣстока, изъ того вода идетъ по трубѣ» (47) и проч. Равно и въ договорахъ мы находимъ господство той же свободы, напр.: «аще ли ударить мечемъ... да соиметь съ себя и ты самыя порты своя, въ нихъ же ходять (14); да проводимъ ю въ Русскую землю и да продають рухло тоя лодья... выволочимъ имъ мы Русь (15); Игорь великій князь да хранить си любовь правую, да не разрушится, дондеже солнце съяетъ и весь миръ стоитъ». Выведемъ общее заключеніе: *иже* въ договорахъ представляется какъ бы окаменѣвшею формою, употребляется неизмѣнно, и въ значеніи союза (*иже* ся ключить проказа), и въ муж. родѣ (и обрящаются тамо *иже* отъ насъ Руси), и въ женскомъ (да не кленеться часть та, *иже* ищеть), и въ среднемъ родѣ (да часть его, сирѣчь *иже* его будетъ по закону; или: а *иже* на убившаго).

Начало статьи объ убійствѣ: «аще кто убьетъ Крестяна Русинъ, или Христьянъ Русина», по нашему мнѣнію, заключаетъ въ себѣ признаки перевода съ Визант. подлинника. Сюда принадлежитъ также слѣд. выраженіе Игорева договора: «аще ли *кто* отъ людій царства нашего... ускочить *челядинъ*» (стр. 21). Такое употребленіе *кто* вм. *который*, или *какой*, при такомъ способѣ согласованія съ существительнымъ, мы необинуясь признаемъ тождественнымъ съ употребленіемъ Греч. *τις*. Вмѣсто *кто*, въ этомъ смыслѣ, въ нашихъ древнѣйшихъ памятникахъ всегда употребляется *который*: «а *которая* села покуплена, на тѣхъ селѣхъ» и т. д. (Собр. Гос. Гр. и Дог. I. № 16) и пр. Если же иногда и встрѣчаемъ мѣстоименіе *кто*, то всегда въ сопровожденіи родит. падежа множ. числа, напр.: «до кого ти насъ жалоба (Несторъ, стр. 111), кто ся осталъ живыхъ (Новг. I, 90), кто жилъ Христіанъ въ Корѣлѣ (ibid. стр. 78); что волостии всехъ Новгородъ-

нит. самостоятельнаго. Приведу здѣсь еще одинъ изъ той же лѣтописи: «конь егоже любииши и ѣздиши на немъ, отъ того ти умрети» (стр. 16).

скихъ (Рум. Соб. Гос. Гр. и Дог. I, 3) и т. д. Принимая въ соображеніе способъ согласованія мѣстоименія *кто* въ древнѣйшихъ памятникахъ, мы утверждаемъ, что въ разсматриваемыхъ мѣстахъ договоровъ оно прямо взято изъ Визант. языка, на которомъ такое согласованіе такъ общепотребительно. Это заключеніе подтверждается и способностію Греч. мѣстоименія отдѣляться на значительное разстояніе отъ своего существительнаго, что мы видѣли въ вышеприведенномъ мѣстѣ Игорева договора и на что уже прежде указали.

Въ этой же статьѣ объ убійствѣ останавливаетъ наше вниманіе выраженіе: «да имѣть тольцѣмъ же прибудетъ по закону». Не позволяя себѣ упрекать позднѣйшаго переписчика въ искаженіи текста во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которыя кажутся не вполне понятными, мы оставляемъ и здѣсь древнѣйшее чтеніе неприкосновеннымъ, признаемъ его понятнымъ и только стараемся объяснить себѣ встрѣчающіяся въ этомъ выраженіи формы ¹⁾. Ограничивая обвиненіями переписчиковъ всѣ усилія уяснить себѣ отдаленную и скудную историческими матеріалами эпоху изъ столь драгоценнаго памятника, мы лишаемъ сами себя этого памятника, а съ тѣмъ вмѣстѣ и надежды на успѣхъ своихъ усилій. Посредствомъ многообразныхъ сочетаній и остроумныхъ сближеній, мы можемъ создать свои договоры, но этими послѣдними никогда не воссоздадимъ жизни нашихъ предковъ. Намъ кажется, что какъ бы ни было грубо невѣжество позднѣйшихъ переписчиковъ, едва ли можно допустить замѣну словъ: *же прибудетъ* словами: *еже ее будетъ*. Для описки вообще необходимо предполагать или сходство въ звукахъ, или сходство въ начертаніяхъ. Здѣсь нѣтъ ни того, ни другаго. Предположеніе же, по которому *толь-*

¹⁾ Шлецеръ оставляетъ его безъ перевода (II, 714). Карамзинъ (I. 137) и Эверсъ (Др. Р. Пр. 159) переводятъ правильно, хотя безъ объясненія: «получить часть, какая слѣдуетъ по закону (=законная часть)».

цѣмъ должно читать *то лице*мъ, мы почитаемъ несостоятельнымъ уже и потому, что *лице* въ смыслѣ *полчнаго* ни разу не встрѣчается во всѣхъ договорахъ, хотя и есть случаи, когда оно могло бы быть употреблено, слѣдовательно,—оно или вообще было неизвѣстно въ эпоху составленія договоровъ, или не было извѣстно переводчику. Послѣ, даже въ Русской Правдѣ, *лице* постоянно употребляется въ смыслѣ *полчнаго* ¹⁾, между тѣмъ какъ въ одномъ мѣстѣ Игорева договора, когда необходимо было употребить слово *лице*, употреблено слово *едино*: «аще ли клячится украсти Русину отъ Грекъ что, или Гръчину отъ Руси, достойно есть да възворотити неточью *едино*, но и цѣну его» (стр. 21). Равнымъ образомъ въ Олеговомъ договорѣ введено описаніе, замѣняющее слово *лице*: «и отдасть *то*, еже *смы* створитъ, и створитъ трижды о *семы*». Послѣднее выраженіе также весьма замѣчательно: черезъ двѣ строки въ томъ же смыслѣ сказано: «да възпятитъ *троичъ*». Вообще нельзя не видѣть, что Олеговъ договоръ заключаетъ въ себѣ несравненно болѣе признаковъ древности, чѣмъ Игоревъ. Видно, что ко времени его заключенія, не только не установилась еще хотя сколько нибудь опредѣленная юридическая терминологія, но не выработались и самыя юридическія понятія. Такія наблюденія надъ языкомъ древнѣйшихъ памятниковъ важнѣе самыхъ достовѣрныхъ историческихъ свидѣтельствъ, потому что онѣ прямо ведутъ къ правильному заключенію объ объемѣ, такъ сказать, и степени развитія умственного богатства народа въ отдаленнѣйшую эпоху. Прошло немного лѣтъ до заключенія Игорева договора—и мы встрѣчаемъ въ немъ для тѣхъ же понятій болѣе опредѣленные выраженія: «възворотити неточью *едино*, но и цѣну его; вдасть цѣну его сугубо». Необходимо еще было столѣтіе для того, чтобы выработалось слово *лице* въ смыслѣ *полчнаго*. Мы съ своей стороны по-

¹⁾ «А что будетъ *лице*, то тому третьему платити за *мече* кунами, а съ *лицемъ* ити до конча» (Рус. Дост. II, 36).

лагаемъ, что слово *толмъмъ*, которое въ настоящемъ случаѣ есть *сгux interpretum*, сокращено ошибкою писца изъ двухъ словъ: столько, сколькимъ и т. д. (*τόσον, ὅσον*). Такія ошибки совершенно въ характерѣ старинныхъ нашихъ переводчиковъ: слѣдуя неуклонно за словами подлинника, они весьма часто ошибаются въ тѣхъ случаяхъ, когда въ нихъ повторяются или однѣ и тѣ же слова, или сходныя между собою; они смѣшиваютъ ихъ и вмѣсто двухъ переводятъ одно. Явленіе это подтверждается множествомъ примѣровъ и вполне понятно; оно ежедневно подтверждается писцами, которые переписываютъ что-либо механически, не думая о содержаніи. При нашемъ объясненіи, необходимо, конечно, предположить, что глаголу *прибудетъ* въ Византійскомъ подлинникѣ соотвѣтствовалъ глаголъ, управляющій дательнымъ падежемъ, или падежемъ съ предложомъ, какъ въ слѣдующемъ примѣрѣ: «*καὶ τὸ ἐπὶ πέριπτον προστιθέτω, μεθ' ὃ ἐλάβεν*», что переведено: «и *пятерницею* да приложить къ тому, что *взялъ*»¹⁾. Отсюда видно, что полное предложеніе имѣло бы видъ: «да имѣть столько, сколькимъ *прибудетъ* по закону». Предположеніе наше подтверждается нѣсколько и чтеніемъ, находящимся въ древнемъ Троицкомъ спискѣ: «да имѣть та *олицъмъ* же *прибудетъ* по закону», гдѣ *олицъмъ*, вѣроятно, есть искаженное *колицъмъ*. Что касается до частицы *же*, то мы не можемъ приравнивать ее *еже* и потому, что она служить здѣсь для показанія соотвѣтствія этого предложенія предъидущему: выше было сказано, что ближній убіеннаго долженъ взять часть, слѣдующую ему по закону; точно также и ближніе убившаго берутъ часть, приходящуюся имъ по закону. Въ примѣрѣ подобнаго опущенія мѣстоименій приведу здѣсь одно мѣсто изъ узаконеній Константина: «но подобни будутъ, *ицъмъ же* *лѣ* по устроити»²⁾.

Въ окончаніи статьи о *побояхъ*: «яко никакоже ино-

¹⁾ Прав. Соб. стр. 72, Прав. 25.

²⁾ Рус. Достоп. II, 196.

му помощи ему, да пребываетъ тяжа оттолѣ невзискаема о семь», мы также видимъ слѣды перевода съ Византійскаго подлинника. При всемъ обилии случаевъ употребленія независимаго неокончательнаго наклоненія въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ, употребленія, повидимому, вытекающаго изъ самаго характера синтаксиса древнѣйшаго Русскаго языка, мы готовы утверждать Византійское происхожденіе всего переведеннаго выраженія на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Если множествомъ доказательствъ неопровержимо подтверждается переводъ нашихъ договоровъ, то къ числу оборотовъ, усиливающихъ эти доказательства, мы не замедлимъ отнести и упомянутое неокончательное наклоненіе, какъ оборотъ общеупотребительный, господствующій на Византійскомъ языкѣ. Трудно найти страницу въ современныхъ договорамъ памятникахъ Византійской письменности, въ которой бы не было употреблено независимое неокончательное наклоненіе, а потому слова: «яко никакоже иному помощи ему», безъ сомнѣнія, соотвѣтствуютъ словамъ подлинника: ὅς μὴ δαμῶς τὸν ἄλλον βοηθεῖν αὐτόν. Еще болѣе Византійскимъ характеромъ отзывается окончательное выраженіе статьи, не только по неестественному размѣщенію словъ, обличающему явный переводъ, но и по употребленію прилагательнаго *невзискаемый*, которое, отличаясь весьма замѣтною искусственностію, невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе и представляется заимствованнымъ изъ языка образованнаго, выработавшаго себѣ юридическую терминологию. Нельзя не подумать, что языкъ Олегова договора, съ такимъ патріархальнымъ характеромъ, не успѣвшій еще выразить самыхъ обыкновенныхъ понятій, что этотъ языкъ не могъ усвоить себѣ столь опредѣленнаго юридическаго выраженія. При первой же мысли о заимствованіи прилагательнаго *невзискаемый*, представляется прямо соотвѣтствующимъ ему прилагательное ἀνέγλητος, ἀνεπιφώνητος, въ томъ же самомъ смыслѣ постоянно употреблявшееся на Византійскомъ юри-

дическомъ языкѣ¹⁾. «Ἀνεπιφωνητὸν, говоритъ Дюканжъ, *dicitur quidquid nullo reclamante vel intercedente possidetur aut agitur*. Ἀνεπιφωνητὸς δεκαετία, ἀνεπιφωνητὸς χρόνος, ἀνεπιφωνητὸς ὥρεά и т. д. 2) Наше предположеніе о переводѣ упомянутыхъ выраженій еще болѣе подтверждается сравненіемъ ихъ съ сходными выраженіями въ Игоровомъ договорѣ, въ которомъ языкъ отличается большею правильностію, чистотою и опредѣленностію терминологіи. Такъ, въ настоящемъ случаѣ, вмѣсто: «яко никакоже иному помощи ему» читаемъ: «яко не имѣя ничтоже», а вмѣсто выраженія: «да пребываетъ тяжа оттолѣ невзискаема о семъ», читаемъ: «ти тако пущень будеть».

Къ замѣчанію о грецизмѣ выраженія: «идеть снадбѣти» мы присоединимъ слѣдующее. Дѣйствительно, въ тѣхъ случаяхъ, когда употребляется въ Латинскомъ языкѣ *supinum* и въ нашемъ—достигательный видъ, на Византійскомъ языкѣ всегда находимъ неокончательное наклоненіе, съ членомъ родительнаго падежа τοῦ, наприм.: ἀποστέλλειν τοὺς ἀνθρώπους καὶ ἐμπειροτάτους τοῦ ἐφορᾶν αὐτοὺς (*Velit. bell. I 187. lin. 21, cf. p. 189. lin. 8, p. 191. lin. 3 и пр.*); τῷ γὰρ Βιταλιανῷ σάκρον ἦν πέμψας τοῦ πέμψαι (*Theoph. p. 248. lin. 12*); ἐξωπλίζετο τοῦ κατελθεῖν εἰς ἐκδίκησιν (*ibid. p. 111. lin. 10*); ἐξῆλθε εἰς τὰ θερμὰ τοῦ θερμίσαι (*ib. p. 286. lin. 14*). Сюда относится также выраженіе Игорева договора: «на роту идуть хранили истину» (стр. 28).

Предположеніе, что слова: *бороненіе земное* соотвѣтствуютъ Греч. ἡ βραχέα намъ кажется вѣроятнымъ. Мы позволимъ себѣ однако высказать, по поводу этого предположенія, слѣд. недоразумѣнія: 1) въ этой статьѣ такъ замѣтна игра словъ; «ли отъ буря, или бороненія земнаго боронима не можетъ възборонитися...», что подборъ ихъ со стороны переводчика невольно представляется намъбраннымъ, а потому едва ли не должно предположить,

¹⁾ Nov. Niceph. Phocae. Libri Basilic.

что всѣ три слова употреблены съ однимъ и тѣмъ же значеніемъ, заключаютъ въ себѣ одно и то же первоначальное понятіе *препятствія*. 2) Если переводчикъ дѣйствительно передавалъ здѣсь Греч. *βραχέα*, то почему же онъ не ограничился однимъ словомъ *бороненіе*, когда оно одно въ то время означало *мель*? 3) Приведенныя же, для доказательства, слова: *заборолъ*, въ значеніи насыпи, и *переборъ*, въ значеніи рѣчнаго порога, едва ли могутъ быть принимаемы въ соображеніе, какъ происходящія отъ корня *братъ* (боръ, заборъ и т. д.), отличнаго отъ корня, образующаго слово *боронитъ*. Правда, понятія, въ нихъ заключающіяся, могутъ быть сближаемы, однако несомнительно то, что оба слова происходятъ отъ различныхъ источниковъ. Что же касается до *борони*, въ смыслѣ насыпи, и *борони княжей*, въ смыслѣ укрѣпленія, то мы полагаемъ, что такое значеніе ихъ есть переносное, между тѣмъ какъ первоначальное — *оборона, защита*. Въ этомъ первоначальномъ значеніи употреблено слово *боронъ* въ Словѣ о Полку Игоревѣ: «яръ туре Всеволодѣ! стоиши на *борони*, прыщещи на вои стрѣлами» ¹⁾. Отсюда уже происходитъ понятіе препятствія, съ какимъ употребляется слово *боронъ*, напр. въ договорѣ Мстислава съ Ригю и Готскимъ берегомъ: «продати свои товаръ безъ всякыя *борони*». Въ этомъ же значеніи употребляется и слово *боронити*: «аще которыи Нѣмциць хочеть поити съ своимъ товаромъ въ иныи городъ, князю не *боронити* Смолняномъ» ²⁾. Мы хотимъ только сказать, что если въ подлинникѣ и дѣйствительно въ этомъ случаѣ употреблено было *ἢ βραχέα*, то переводчикъ словами: *бороненіе земное* сдѣлалъ только его описаніе.

¹⁾ Рус. Дост. III. 64. Карамзинъ думаетъ, что *боронъ* въ этомъ случаѣ означаетъ брань, передовой отрядъ. Едва ли не справедливѣе принимать въ прямомъ смыслѣ — *стоиши на защищати* (= обороняешь, защищаешь), особенно когда мы обратимъ вниманіе на украшенный языкъ Слова.

²⁾ Русск. Достоп. II. 261.

Выраженіе въ этой статьѣ договора: «и аще что можеть *продати* отъ лодья» замѣчательно по употребленію дѣйствит. формы *продати* вмѣсто страдат. *продано быти*, что видимъ и въ слѣд. выраженіи Игорева договора: «да кленутся о всемъ, яже суть написана на харатыи сей, хранити отъ Игоря и отъ всѣхъ боляръ» (стр. 22). Сюда же принадлежитъ употребленіе возвратныхъ глаголовъ безъ *ся*, встрѣчающееся въ договорахъ: «и жаловати начнуть Русь; да жалуютъ Русь Хрестыанскому царству; и хотятъ остати у царя вашего». Съ одной стороны такая неправильность можетъ быть объяснена Визант. языкомъ, въ которомъ господствуетъ удивительное смѣшеніе значеній и формъ глаголовъ ¹⁾, съ другой нельзя не сказать, что и въ нашихъ древнѣйшихъ памятникахъ возвратные глаголы безъ *ся* были въ большемъ употребленіи, напр.: «начася *прозывати* Руска земля (П. Соб. Р. Л. Т. I. 7); Меѳодій *оста* въ Моравѣ (стр. 11, срв. 59, 110, 142, 144, Лѣт. Пер. стр. 63. 66); Андрѣева же дружина *прѣвздаче* къ нему *жаловаху* (стр. 140); почата бытъ *писати* церкы (150, 193); почата же бытъ *здати*» (172 и пр.). Мы можемъ также указать на одинъ случай, когда Греч. *φυλάσσειν*, соотвѣтствующее нашему *хранити*, именно употреблено вмѣсто *φυλάσσεσθαι* (= хранитися), а именно: «τοὺς ἐξερχομένους εἰς ἐχθροὺς ἐπὶ πολέμῳ φυλάξαι δεῖ ἀπὸ παντὸς πονηροῦ ῥήματος καὶ πράγματος». Впрочемъ переводчикъ такъ называемыхъ узаконеній Константина соблюлъ бѣольшую точность въ этомъ отношеніи: онъ перевелъ: «подобаетъ имъ хранитися» ²⁾. Принимая однако въ соображеніе смѣшеніе зна-

¹⁾ Такъ, средніе глаголы весьма часто употреблялись въ дѣйствительныхъ и—наоборотъ: βασιλεύειν — regem facere, συμποσιάζειν — ἐστιάειν, κομαίνειν — in aestum dare и пр. См. Reiskii commentt. ad cerem p. 458.

²⁾ Рус. Достоп. II. 147. Въ тѣхъ же узаконеніяхъ находимъ форму *продати* вм. *продано быти*, какъ въ договорѣ Олега: «а робу ту достонѣтъ отъ князя земля тоя *продати* (ibid. p. 148).

ченій и формъ глаголовъ на языкѣ Визант. и послѣдній примѣръ употребленія *φολάξει* вм. *φολάξασθαι*, мы готовы признать Визант. вліяніе въ формахъ *хранити* и *продати*.

Полагаемъ также, что слова *отъ тѣхъ*, начинающіа статью о плѣнникахъ, принадлежать къ числу тѣхъ немногихъ словъ, которыя служатъ яснѣйшимъ доказательствомъ перевода договоровъ съ Визант. подлинника и которыя, конечно, съ большею осторожностію должны быть сближаемы съ Визант. языкомъ. Признавая этотъ путь единственно-надежнымъ въ истолкованіи упомянутыхъ словъ, мы положительно утверждаемъ, что онѣ составляютъ только переходъ отъ одной статьи къ другой, — отъ статьи, охраняющей взаимныя торговыя сношенія между Руссами и Греками, къ статьѣ о плѣнникахъ. Обращаясь къ этимъ переходамъ между различными статьями, замѣчаемъ, что они почти вездѣ соблюдены съ величайшею точностію; весьма рѣдко можно встрѣтить статью, въ которой бы видимымъ образомъ не обозначена была связь ея съ предъидущею. Такая связь выражается большею частию частіцами: *ли, же, а* ¹⁾. Особый способъ обозначенія послѣдовательности между статьями состоитъ въ заглавіи: «о Руси о полоненіи ²⁾; о работающихъ въ Гре-

¹⁾ «Аще ли убѣжить, аще ли украдетъ; егда же требуется на войну ити, си же вся да творять; а о Корсунѣсти странѣ».

²⁾ Въ этомъ мѣстѣ мы предпочитаемъ чтеніе Лавр. списка а) какъ древнѣйшаго, б) какъ труднѣйшее чтеніе, с) какъ обнаруживающее слѣды буквального перевода. Чтеніе же другихъ списковъ: «о Руси и полонѣй (Хл.), отъ Руси отполонени (отполоненіи)» (Р. Т.) почитаемъ поправками позднѣйшихъ переписчиковъ, не понимавшихъ смысла мѣста. Въ подлинникѣ, безъ сомнѣнія, было сказано: «*περὶ τῆς τῶν Ῥῶς ἀρχιλωσίας*» (или просто *ἀλώσεως*), а переводчикъ прежде всего перевелъ буквально *περὶ τῶν Ῥῶς* — о Руси, вовсе не понимая, что род. надежъ τῶν Ῥῶς зависитъ отъ *ἀρχιλωσίας*, а потомъ вспомнилъ, что род. над. *ἀρχιλωσίας* зависитъ отъ того же предлога *περὶ*, повторилъ соотвѣтствующій ему предлогъ *ο*, съ которымъ правильно согласовалъ существит. *полоненіе*. Такъ обр. явилось за-

цѣхъ Руси у Хрестьяньскаго царя». Третій способъ выраженія той же послѣдовательности состоитъ въ мѣстоименіяхъ *тогъ* или *сей* съ предлогомъ *о*: «*о томъ*, аще украденъ будетъ челядинъ Рускый; и *о томъ*, аще обрящють Русь кубару Гречьскую въвержену на коемъ любо мѣстѣ (стр. 22); а *о сихъ*, оже то приходятъ Чернїи Болгаре» (22). Къ этому-то послѣднему способу обозначенія послѣдовательности между статьями мы и относимъ слова *отъ тѣхъ*. Если же онѣ и не тождественны съ перечисленными выше, то несомнѣнно однохарактерны, то есть, выражая ту же послѣдовательность, онѣ могутъ означать: *потомъ*, *послѣ того*. Обозначеніе перехода въ настоящемъ случаѣ представляется тѣмъ болѣе необходимымъ, что предшествующая статья, охраняющая торговлю между Руссами и Греками, по своему содержанію, совершенно отлична отъ статьи о плѣнникахъ, начинающейся словами *отъ тѣхъ*.—Хотя изъ сказаннаго видно, что начальныя слова статьи о плѣнникахъ служатъ переходомъ отъ предъидущей статьи, однако для бóльшаго удостовѣренія полезно бы было показать, что въ современныхъ договорамъ Визант. памятникахъ дѣйствительно подобнымъ же образомъ обозначалась послѣдовательность между различными частями ихъ содержанія. Въ настоящее время мы можемъ представить только слѣд. два замѣчательные примѣра, заимствованные изъ исторіи Льва Діакона. Описывая осаду города Тарса и капитуляцію, заключенную

главіе: «о Руси о полоненїи», измѣненное въ послѣдствїи въ болѣе понятное: «о Руси о полонѣй, отъ Руси отполопени». Такія заглавія въ подлинникѣ, а равно и въ первоначальномъ переводѣ, вѣроятно, помѣщались отдѣльно и перенесены въ самый текстъ позднѣйшими переписчиками. Отдѣльно также помѣщены заглавія въ Русской правдѣ, въ узаконенїяхъ Константина и др. Впрочемъ въ нашихъ туземныхъ договорныхъ грамотахъ, напр. Новгородцевъ съ своими князьями и пр. заглавія помѣщаются въ самомъ текстѣ: «а што волости Новгородьскыхъ, тѣхъ волости тобѣ не дѣржати» (Собр. Гос. Гр. и Дог. I, № 8, стр. 9); или: «*про полонъ*, кто кде заточенъ, или конь Русьскый и Новгородьскый, то исправи» (ibid. № 3, стр. 4) и пр.

его жителями съ Императоромъ Никифоромъ, Левъ Діаконъ говоритъ: «ἐπὶ οὖν οὐχ' οἱοί τε ἦσαν (Ταρσεῖς) πρὸς τε τὸ ἄμαχον τοῦ λιμοῦ πάθος καὶ πρὸς τοσαύτην στρατιὰν διαμάχεσθαι, σπένδονται τε τῇ βασιλεῖ καὶ ὑπέικουσιν, ἐφ' ᾧ τὸν βουλόμενον ἐπὶ τὰ ἐνδοτέρω Συρίας ἀκολούτως χωρεῖν» ¹⁾. То же самое видимъ у него и при описаніи мира, заключеннаго Іоанномъ Цимискіемъ съ Святославомъ: «καὶ δῆτα παρὰ τὴν ἑὸν πρέσβεις ὡς τὸν ἀτοκράτορα Ἰωάννην στείλας, πίστεις ἤτει ξυμβάσεων, ἐπὶ τῇ Ταυροσκύθας μὲν τὸ τε Δορύστολον ἐγχειρίσαι Ῥωμαίοις» ²⁾ etc. Изъ обоихъ этихъ примѣровъ нельзя не видѣть, что выраженія ἐφ' ᾧ и ἐπὶ τῇ — что одно и то же ³⁾ — составляютъ переходъ отъ разсказа къ самому перечисленію условій договора, употреблены при однихъ и тѣхъ же условіяхъ и буквально соотвѣтствуютъ выраженіямъ: *о томъ, а о сиемъ, и о томъ* въ нашихъ договорахъ. Кто, руководясь единственно здравымъ смысломъ, не признаетъ здѣсь осязаемаго, такъ сказать, грецизма? Кто не признаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и великой важности подобныхъ сближеній переводныхъ памятниковъ съ ихъ подлинниками? Давно ли мы безотчетно толковали о томъ, что наши договорныя грамоты переведены съ Визант. подлинника — и долго ограничивались одними голословными предположеніями? Давно-ли мы, равнодушные къ своей старинѣ, такъ односторонне смотрѣли на драгоценные, завѣщанные ею памятники: обращали исключительное вниманіе на ихъ содержаніе, толковали послѣднее, не уяснивъ себѣ достаточно ихъ значенія, не изучивъ ихъ языка, а потому часто впадали въ непростительныя ошибки? Не говоримъ о первыхъ слабыхъ попыткахъ нашихъ въ этомъ дѣлѣ: вспомнимъ незабвеннаго Шледера, который также не избѣгъ погрѣшностей при объясненіи договоровъ единственно потому, что не изучилъ, или, луч-

¹⁾ Leo Diac. IV, p. 60. lin. 16—19.

²⁾ Ibid. IX, p. 155. lin. 19—24.

³⁾ См. Hasii annot. ad. Leon. Diac. p. 486.

ше, не могъ предварительно изучить ихъ языка; видѣли мы также нѣкоторыя изъ погрѣшностей ученаго Эверса, взглянувшего окомъ юриста на договоры, погрѣшности, происшедшія изъ того же источника. И такъ мы признаемъ несомнѣннымъ, что выраженіе, начинающее статью о плѣнникахъ, буквально соотвѣтствуетъ Греч. ἐφ' ᾧ и ἐπὶ τῷ и что слѣдовательно служить только для обозначенія перехода отъ одной статьи къ другой, а не выдуманно отъ себя переводчикомъ, старавшимся устранить свою личность отъ двухъ договаривавшихся народовъ.

Въ этой же статьѣ замѣчательна конструкція, состоящая въ слѣд.: мѣстоименіе, относящееся къ предшествующему существительному, имѣетъ позади себя, въ видѣ дополненія, другое существительное съ своимъ опредѣленіемъ: «да не купать и възвратять ѿ скупленое лице въ свою страну». Сюда же относятся выраженія договоровъ, въ которыхъ мѣстоименіе находится позади дополняемаго существительнаго: «да пустимъ я съ честию проданое рухло лодья ихъ; обрѣтаемое да имуть ё». Не имѣя основанія утверждать Визант. вліяніе во всѣхъ этихъ выраженіяхъ, я ограничусь только приведеніемъ немногихъ сходныхъ мѣстъ изъ лѣтописи Нестора: «и прочая люди овыхъ изби, а другія работѣ предасть мужемъ своимъ (стр. 26); шедъ я вѣрона и принесе ему предо всѣми повары (стр. 84); сего не бывало есть въ Русьскѣй земли, ни при дѣдѣхъ нашихъ, ни при отцехъ нашихъ, яко зла» (стр. 111).

Несогласіе во временахъ, которое замѣчаемъ въ статьѣ о выкупѣ плѣнныхъ: «многожды отъ коея убо страны *пришедшимъ* въ Русь... многожды отъ коея-либо страны *приходящимъ* въ Русь», хотя и могло произойти отъ непослѣдовательности переводчика, совершенно оправдывается неточностію въ этомъ отношеніи, господствовавшей на Визант. языкѣ, почему и можно полагать, что оно находилось и въ самомъ подлинникѣ. На испорченномъ Визант. языкѣ нерѣдко въ одномъ и томъ же предложеніи видимъ беспорядочное употребленіе временъ. Такъ

пористъ часто употребляется и вмѣсто преходящаго (Leo Diaс. IX. p. 143. lin. 12), и вмѣсто будущаго (ibid. VIII. p. 131. lin. 9), и вмѣсто настоящаго, что у того же писателя встрѣчается весьма часто, напр.: «οὕτω δὲ γνωσιμαχήσαντι καὶ βουλευσαμένῳ τῷ στρατηγῷ Λέωντι ἐπῆλθε» и пр. (II. 20). Такая неточность въ употребленіи временъ встрѣчается безпрестанно и ею можно объяснить ту же неточность въ договорѣ. Переходимъ къ разсмотрѣнію въ томъ же отношеніи Игорева договора.

Въ первомъ предложеніи, послѣ перечисленія именъ словъ, какъ замѣчено выше, разстановка словъ совершенно Греческая, обличающая буквальный переводъ. Вторую половину этого предложенія мы читаемъ такъ: «разорити дьявола, отъ многъ лѣтъ ненавидящаго добра и враждолюбца», и полагаемъ, что слово *дьяволъ* въ этомъ случаѣ употреблено вмѣсто отвлеченнаго понятія — раздоръ, размирье и т. п. (concretum pro abstracto), что вполне согласно съ употребленіемъ его на языкѣ Византійскомъ. Выраженіе: «отъ многъ лѣтъ» можно сравнивать съ весьма употребительнымъ и близкимъ къ нему выраженіемъ — ἐκ πολλῶν χρόνων ¹⁾, или ἐκ παλαιοῦ ²⁾. Въ послѣднемъ же періодѣ вступленія замѣчательна непоследовательность въ употребленіи надежей: «да не ущипутся щипы своими, и да посѣчени будутъ мечи своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружья своего...». Если такую неточность не объяснять какимъ-либо опущеннымъ глаголомъ, находившимся послѣ словъ: мечи своими и управлявшимъ слѣдующими за нимъ существительными (напр. *да погибнутъ* и т. п.), то едва-ли можно отнести ее къ самому переводчику, который, какъ ясно видно изъ

¹⁾ Χρόνος на языкѣ Визант. весьма часто употребляется вмѣсто ἐνιαυτός, ἔτος, напр.. ὀφείλει ἐκκουσένεσθαι ἐπὶ τρισὶ χρόνοις (= per triennium)... καὶ μετὰ τοὺς τρεῖς χρόνους πάλιν ὀφείλει τελεῖν и т. д. Cerem. II, p. 695, lin. 7—9. cf. Theoph. p. 556, lin. 12, p. 564, lin. 3, p. 565, lin. 9 и др.

²⁾ Ἐκ παλαιοῦ διατέτακται. Procop. Anecdote, p. 104, 16 и др.

языка всего договора, въ совершенствѣ разумѣлъ свое дѣло; тѣмъ менѣе, кажется, можно приписать ее позднѣйшему переписчику. Хотя въ позднѣйшихъ нашихъ памятникахъ и довольно часто встрѣчается подобная непоследовательность¹⁾, однако, принимая въ соображеніе точность и правильность въ выраженіяхъ переводчика Игоревъ договора, мы скорѣе готовы отнести ее къ вліянію языка Византійскаго, на которомъ, какъ того должно ожидать, неправильное употребленіе падежей, встрѣчается весьма часто, напр. «καρτερούντων δὲ ἔτι ἐν ἐκείνῳ τῷ χρόνῳ καλῶς εἰαυτοὺς ἀσφαλιζόμενοι καὶ παραφύλαττοντες καὶ βουλομένων ἀνερευνῆσαι τὰ ὄρη... θέον φυλαχθῆναι...» (Ser. p. 244, lin. 22). Здѣсь удивительное смѣшеніе падежей: вмѣсто продолженія родительнаго самостоятельнаго слѣдуетъ именительный падежъ и за нимъ опять родительный самостоятельный. «Πέρσης μὲν γὰρ ἦν τῷ γένει, δοῦλος δὲ τὴν τύχην» (Theoph. p. 207, lin. 16); ἐν τῷ εἰσερχεσθαι αὐτὸν ὀψικευόμενος...» и т. д. (Serem. p. 616, lin. 18). Этою весьма употребительною на Визант. языкѣ непоследовательностію въ согласованіи падежей, полагаемъ, удовлетворительно можно объяснить ту же непоследовательность въ нашихъ договорахъ. Сюда же принадлежитъ выраженіе: «да примуть мѣсть отъ Бога Вседержителя, осуженья на погибель» (стр. 20), гдѣ безъ сомнѣнія, оба существительныя зависятъ отъ одного глагола—*примуть*. Равнымъ образомъ выраженіе: «и отходящей Руси отсюда взимають отъ насъ еже надобѣ брашно на путь, и еже надобѣ лодьямъ» (стр. 21).

Первая статья самаго договора представляетъ нѣкоторый безпорядокъ въ словосогласованіи: «нынѣ же увѣ-

¹⁾ Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ лѣтописи Нестора: «предастъ княженъ свое *Олови*, отъ рода ему *суца* (9); помроша (Торци) бѣгаючи Божымъ гнѣвомъ гоними, ови *отъ зимы*, друзи же *ладомъ*, ини же моромъ и судомъ Божымъ (70); знаменья бо въ небеси, или въ звѣздахъ, ли солнци, ли птицами, ли етеромъ чимъ не благо бывають» (стр. 71).

дѣлъ есть князь вашъ посылати грамоту ко царству нашему: иже посылаеми бывають отъ нихъ сли и госте да приносятъ грамоту, пишюче сиче: яко послахъ корабль селько». Нѣтъ сомнѣнiя, что послѣднее выраженiе: «яко послахъ корабль селько» ни къ чему предъидущему не можетъ быть отнесено, кромѣ слова *князь*. Но тогда и причастiе *пишюче* должно относиться къ тому же слову, чему, повидимому, противорѣчить различiе въ числахъ. Впрочемъ, это противорѣчiе можетъ быть устранено упомянутымъ нами обычаемъ, господствовавшимъ въ Визант. правительственной письменности — употреблять множественное число при именахъ императоровъ, хотя въ другихъ глаголахъ, относящихся къ слову *князь*, мы видимъ единственное число: такая неточность могла произойти отъ непослѣдовательности переводчика, чему видимъ множество примѣровъ въ старинныхъ нашихъ переводахъ, даже въ самомъ Игоровомъ договорѣ въ слѣдующихъ словахъ: «аще ли хотѣти *начнетъ* наше царство отъ вастъ вои на противящаяся намъ, да пишють къ великому князю вашему, и послеть къ намъ, елико же *хочемъ*» (стр. 22). Слова же: «иже посылаеми бывають отъ нихъ сли и госте, да приносятъ грамоту», по нашему мнѣнiю, служатъ только поясненiемъ предъидущихъ, вовсе не находятся въ тѣснѣйшей синтаксической связи съ цѣлою мыслию и могутъ быть рассматриваемы какъ помѣщенные въ скобкахъ. Это тѣмъ болѣе кажется намъ правдоподобнымъ, что въ нихъ дѣйствительно не заключается особеннаго смысла и что поясненiе мысли вставочными предложенiями было въ употребленiи у Византiйскихъ писателей, отличавшихся наклонностiю къ риторическимъ украшенiямъ. Во всякомъ случаѣ причастiе *пишюче*, по самому смыслу мѣста, нельзя относить къ посламъ и гостямъ, какъ получавшимъ подобныя грамоты отъ князя; тѣмъ менѣе можно относить къ нимъ глаголъ *послахъ*, а между тѣмъ и то и другое должно допустить, если согласиться съ общепринятою пунктуацiею. На основанiи предложеннаго объясненiя, первая статья Игорева договора получить слѣ-

дующій видъ: «нынѣ же увѣдѣлъ есть князь вашъ послати грамоту ко царству нашему (иже посылаеми бывають отъ нихъ сли и госте, да приносятъ грамоту) пишущие сиде: яко послахъ корабль селько».

Что касается до тавтологическаго выраженія: «да въспятъ и опять», находящагося въ статьѣ о побѣгѣ рабовъ, то оно совершенно въ характерѣ древне-Русскаго языка. Тавтологія составляетъ неотъемлемую синтаксическую особенность послѣдняго ¹⁾, хотя въ то же время она едва-ли не болѣе составляетъ неотъемлемую принадлежность Византійскаго языка, который, какъ языкъ испорченный и въ полномъ смыслѣ подражательный, конечно, нуждался въ искусственныхъ украшеніяхъ. Вотъ два самые замѣчательные примѣра Византійской тавтологіи: «οἱ μὲν γὰρ ζῆλον ἐζηλωκότες τοῖς ἀγαθοῖς ἀζήλωτον ὕπεξήρῃσθωσαν τοῦ λόγου» (Theoph. Cont. p. 4, lin. 3); или «τινὲς ὁμοιάσατε κύριον, καὶ τινὲς ὁμοίωματι ὁμοιάσατε αὐτόν; μὴ εἰκόνα ἐπίησε τέκτων, ἢ χρυσόχοος χωνεύσας χρυσίον περιχρύσωσεν αὐτόν» (ibid. p. 32, lin. 18—19).

Проходя здѣсь молчаніемъ тѣ немногія синтаксическія особенности языка Игорева договора, которыхъ мы коснулись выше, остановимся на послѣдней статьѣ, которую Руссы обязуются доставлять Византійскому Императору вспомогательное войско, по его востребованію: «аще ли хотѣти начать наше царство отъ васъ вои на противящаяся намъ, да пишють къ великому князю вашему, и послеть къ намъ, елико же хотимъ». Рѣзкіе слѣды Византійскаго подлинника здѣсь очевидны повсюду и повсюду замѣтно блужданіе переводчика, который былъ приведенъ въ сильное замѣшательство особенностію Греческаго выраженія, для него непонятнаго. Эта особенность состояла во-первыхъ въ употребленіи βασιλεία, вмѣсто βασιλεὺς, и употребленіи множественнаго числа при суще-

¹⁾ Въспятися въспять (Нов. I, стр. 48); пѣнія пѣти (Лѣт. Пер. 45); мечь метити (Пск. I, 218); пословати посольство (ib. 266); избѣчествовати безчестьемъ (ib. 236) и пр.

ствительномъ βασιλεία. Уже одно то обстоятельство, что онъ переводить βασιλεία буквально словомъ *царство*, во все неупотребительнымъ на Славянскомъ языкѣ въ такомъ значеніи, ясно доказываетъ, что онъ не понималъ его какъ слѣдовало, и потому постоянно дѣлалъ ошибки въ согласованіи съ нимъ глаголовъ, какъ скоро послѣдніе при немъ находились. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Византійскомъ подлинникѣ находилось первое лице множественнаго числа, которое сохранилось въ нашемъ договорѣ въ выраженіи: «елико же хотимъ», довольно далеко отстоящемъ отъ существительнаго *царство* и, вѣроятно, уже успѣвшемъ ускользнуть изъ памяти переводчика. Наши старинные переводы служатъ прекраснымъ подтвержденіемъ того, что формы, находящіяся въ отдаленныхъ отъ главнаго, придаточныхъ и вводныхъ предложеніяхъ, всего чаще обличаютъ ошибки переводчика и вмѣстѣ указываютъ на формы, находившіяся въ подлинникѣ. Оттого часто безъ труда и съ точностію можно возсоздать выраженіе подлинника и въ подробности показать приемы нашихъ старинныхъ переводчиковъ ¹⁾. Что же касается до формы *пишють*, то она употреблена безлично, а потому и не имѣетъ никакого отношенія къ слову *царство*. Такая без-

¹⁾ Къ приведеннымъ выше примѣрамъ подобнаго блужданія переводчиковъ не могу здѣсь не присовокупить слѣдующаго весьма замѣчательнаго: «διὰ τὰς συνεχεῖς τῶν ἐκείσε ληστῶν πρὸς τοὺς ἐπιγενομένους καταδρόμας, οὕς» и т. д. Зане частое ту разбоинничество, на страшныя нагнаніе, ихже» и т. д. (Чт. стр. 95). Переводчикъ не понялъ, что συνεχεῖς относится къ довольно отдаленному существительному *катадρόμας*, и потому отнесъ его къ ближайшему — *ληστῶν*, хотя и вопреки всѣмъ правиламъ грамматики. Еще труднѣе ему было понять, что οὕς относится къ *ληστῶν*, а потому онъ, измѣнивъ послѣднее въ *разбоинничество* и продолжая свой буквальный переводъ, безотчетно переводить οὕς — *ихже* и тѣмъ обличаетъ какъ свои ошибки, такъ и формы подлинника. Какъ не припомнить здѣсь напр. упомянутаго выше заглавія: «о Руси о полоненіи» и не сказать, что оно можетъ быть *единственно* буквальнымъ переводомъ Греч. выраженія: «περὶ τῆς τῶν Ῥώσ ἀλώσεως»?

личная форма есть господствующая въ нашихъ договорахъ и употребляется часто независимо отъ остальныхъ глаголовъ предложенія, напр. «аще ли... ускочить челядинъ... и принесеть что, да *вспнятъ* ѿ опять»; или «послеть наше царство, да испишють имена ихъ» (стр. 13). Итакъ, ошибка переводчика противъ подлинника, безъ всякаго сомнѣнія, состоитъ только въ глаголѣ *начнетъ*, который въ подлинникѣ имѣлъ первое лице множественнаго числа, согласно съ формою *хочемъ*. Самое же выраженіе: «хотѣти *начнетъ*», хотя и отзывается искусственностію своего образованія, однако встрѣчается иногда въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ, напр.: «даже который князь по моемъ княженіи *почнетъ хотѣти* отъяти у Св. Георгія ¹⁾; или: епископъ, который *начнетъ* несытствомъ *не хотя* ити въ Переяславль ²⁾; или: не *хотѣти* ли си (матери) дѣти *начнутъ* ни на дворѣ, а она *начнетъ хотѣти* всяко и сѣдѣти ³⁾; пакы ли господинъ не *хотѣти начнетъ* платити за него» ⁴⁾. Не могу не привести здѣсь изъ лѣтописи Нестора слѣдующаго народнаго выраженія, изъ котораго видно, что *хотѣти* употреблялось для образованія будущаго времени, точно такъ, какъ *θέλει* въ Новогреч. и *ште* въ Болгарск. и т. д. «лють се мужъ *хоче быти*» (= будетъ. Стр. 30).

Въ этой же статьѣ должно замѣтить употребленіе будущаго времени вмѣсто повелительнаго наклоненія или вмѣсто сослагат. формы съ частицею *да*: «и послеть къ намъ елико же *хочемъ*». То же самое встрѣчается въ другихъ мѣстахъ какъ Олегова, такъ и Игорева договоровъ, напр. «аще вѣдасть руцѣ украдый, да ятъ будетъ тѣмъ же, у негоже будетъ украдено, и *связанъ будетъ* и *отдастъ* то, еже смѣ створить, и *створитъ* трижды о семъ» и пр. Равнымъ образомъ есть случаи употребленія насто-

¹⁾ Дополн. къ Акт. Истор. I, 2.

²⁾ Ibid. стр. 7.

³⁾ Рус. Достоп. I, 45.

⁴⁾ Рус. Правда. Рус. Достоп. II, 53.

ящаго времени вмѣсто повелительнаго наклоненія, напр. «а некрещеная Русь *полагають* щиты своя и мечѣ свои наги» и пр.; неокончательное наклоненіе также полагается вмѣсто повелительнаго, напр.: «яко да и порты, въ нихъ же ходять, да и то съ него *снятьи*». Всѣ эти случаи, особенно первый и послѣдній, весьма употребительны: замѣна повелительнаго наклоненія будущимъ временемъ и неокончательнымъ наклоненіемъ существуетъ во всѣхъ языкахъ и вытекаетъ изъ самаго характера формъ, а потому присутствіе ихъ въ договорахъ нельзя объяснить Византійскимъ вліяніемъ, хотя дѣйствительно можно представить множество примѣровъ такой замѣны у Византійскихъ писателей ¹⁾; и особенно въ современномъ договорамъ законодательномъ кодексѣ ²⁾. Приведемъ здѣсь одинъ примѣръ изъ Лаврентьевской лѣтописи, замѣчательный потому, что въ немъ несоблюдена послѣдовательность формъ: будущее время тотчасъ же смѣняется самымъ повелительнымъ наклоненіемъ: «яко по умертвіи моемъ не *погребешъ* тѣла моего, но ужемъ поверзше за нозѣ мои, *извлеките* мя изъ града и *поверзните* мя цсомъ на расхытаніе» ³⁾.

Въ Святославовомъ договорѣ мы обратимъ вниманіе на заглавіе и присоединимъ нѣсколько замѣчаній къ тому, что сказали при разсмотрѣніи выраженія: «равно другаго свѣщанья». Заглавіемъ Святославова договора яснѣе всего подтверждается справедливость нашего толкованія. Оно заключаетъ въ себѣ такую запутанность, такую безпорядочность, и въ расположеніи словъ, и въ употребленіи предлоговъ, вообще такъ непонятно въ его настоящемъ видѣ, что ясно обличаетъ самый грубый, буквальный

¹⁾ Напр. на весьма не многихъ строкахъ сочиненія: *περί παραδρομῆς πολέμου*, приписываемаго Никифору Фоку, видимъ: «*μελετήσεις, παρασκευάσεις* (= *σεις*), *τραυματίσεις, παρασκευάσεις*» Сар. XX, 244. lin. 17—21.

²⁾ *Libri Basilicorum*.

³⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 149.

ный переводъ съ Византійскаго подлинника. Прежде всего должно замѣтить неправильное помѣщеніе выраженія: «писано при Θεοφελῶ синкелῶ», которое, очевидно, должно быть поставлено послѣ поименованія Императора Греческаго. Съ той и другой стороны здѣсь упоминаются два лица: Государь и его вельможа — Святославъ и Свѣнальдъ, Цимискій и Теофилъ, изъ которыхъ послѣдній, по естественному порядку, долженъ занять мѣсто послѣ своего Императора. Если справедлива наша мысль, то заглавіе приметъ слѣдующій видъ: «равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ велицѣмъ князи Рустѣмъ и при Свѣнальдѣ, и къ Ивану, нарицаемому Цѣмьскію, царю Греческому, писано при Θεοφελῶ синкелῶ, въ Дерестрѣ, мѣсяца іюля, индикта въ 14, въ лѣто 6479». При самомъ поверхностномъ взглядѣ на это заглавіе, даже въ этомъ его видѣ, нельзя не признать его бѣльшей естественности и ясности. Остается непонятнымъ только то, къ чему должно относить выраженіе: «къ Ивану, нарицаемому Цѣмьскію», которое не имѣетъ, по видимому, связи ни съ предъидущими, ни съ послѣдующими. Но съ одной стороны предлогъ *κτ* въ упомянутомъ выраженіи есть ни что иное, какъ непонятый переводчикомъ *πρὸς* съ дательнымъ надежемъ, переведенный также неправильно, какъ въ приведенномъ выше выраженіи: «*πρὸς Βασίλειον διαβληθέντες* — къ Василиеву оклеветана»; съ другой стороны мы замѣчаемъ здѣсь одинъ изъ главныхъ приѣмовъ старинныхъ нашихъ переводчиковъ, ясно отличающихъ, и слѣпое подражаніе подлиннику, и вмѣстѣ неудачную попытку отдалиться отъ него, хотя единственно въ согласованіи и управленіи словъ, согласно съ требованіемъ своего языка. Мы видѣли, что старинные переводчики до того рабски подражали буквѣ подлинника, что если изъ двухъ одинаковыхъ формъ, особенно отдаленныхъ одна отъ другой и зависящихъ отъ одного и того же слова, правильно передавали первую, то при второй уже забывали о ней и удерживали форму подлинника, такъ что слѣдовательно послѣдняя всегда обнаружи-

нѣсть словосогласованіе и словоуправленіе, находящіеся въ подлинникѣ. То же самое должно сказать и о выраженіи: «и къ Ивану, нарицаемому Цѣмьскію». Мы убѣждены, что предлогъ *при* (при Святославѣ) и предлогъ *къ* соотвѣтствуютъ одному и тому же Греческому *πρὸς*, только въ первомъ случаѣ переводчикъ, не понявъ смысла подлинника, неправильно перевелъ его предлогомъ *при*, желая тѣмъ хотя сколько-нибудь осмыслить переводимое предложеніе, при чемъ совершенно правильно употребилъ предложные падежи, тогда какъ во второмъ, встрѣтившись съ тѣмъ же предлогомъ *πρὸς* и потерявъ изъ вида прежній свой переводъ, безотчетно принялъ обыкновенное значеніе предлога *πρὸς* — *къ* (съ винительнымъ падежемъ) и правильно согласовалъ съ нимъ относящіеся къ нему слова (въ дательныхъ падежахъ). Такъ самое непродолжительное наблюденіе надъ старинными нашими переводами облегчаетъ разумѣніе непонятныхъ и совершенно испорченныхъ мѣстъ въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ, переведенныхъ съ Греческаго языка. Согласно съ принятымъ нами толкованіемъ заглавій Олегова и Игорева договоровъ, мы представимъ себѣ въ слѣдующемъ видѣ заглавіе Святославова договора: «списокъ съ другой договорной грамоты, находящейся у Святослава, великаго Князя Русскаго, и у Свѣнальда, и у Іоанна, именуемаго Цимисхіемъ, писанъ при Θεοφιλῆ Синкеллῆ въ Дерестрѣ, мѣсяца Іюля, индикта 14, въ лѣто 6479» ¹⁾. — Въ выраженіи: «аще ли отъ тѣхъ самѣхъ прежереченыхъ не съхранимъ», очевидно, не достаетъ одного слова, отъ кото-

¹⁾ Можетъ быть, это заглавіе позднѣйшими переписчиками, не понимавшими его, до такой степени испорчено, что слова: «при Свѣнальдѣ» должно читать вмѣстѣ съ словами: «писано при Θεοφιλῆ синкеллῆ». Въ такомъ случаѣ заглавіе это приметъ слѣдующій видъ: «списокъ съ другой договорной грамоты, находящейся у Святослава, Великаго Князя Русскаго, и у Іоанна, именуемаго Цимисхіемъ, писанъ при Свѣнальдѣ и при Θεοφιλῆ Синкеллῆ (или при Θεοφιλῆ Синкеллῆ и при Свѣнальдѣ)» и проч.

раго зависятъ родительные падежи. Это слово, по нашему мнѣнію, есть *что*, соотвѣтствующее Греческому *τι*: «аще ли *что* отъ тѣхъ самѣхъ прежереченыхъ». Все приведенное выраженіе вообще обнаруживаетъ самые ясные слѣды Византійскаго происхожденія и мы представляемъ его въ подлинникѣ въ слѣдующемъ видѣ: «εἰ δὲ τι ἀπὸ τοῦ αὐτοῦ (или просто τοῦ αὐτοῦ) προεῖρημένον οὐ φολάξομεν, ἐγὼ μὲν, οἱ δὲ μετ' ἐμοῦ, καὶ ὅπ' ἐμέ» и т. д. Этимъ мы и заключимъ разсмотрѣніе Византійскаго вліянія на языкъ договоровъ въ синтаксическомъ отношеніи.

IV.

О византійскомъ вліяніи на отдѣльные слова и выраженія.

Здѣсь мы будемъ держаться принятаго уже нами правила — разсматривать сначала вступленіе и заключеніе договоровъ, а потомъ самыя статьи. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе выраженіе: «иже суть подъ рукою его», которое, по нашему мнѣнію, заключаетъ въ себѣ признаки Византійскаго происхожденія. Перечитывая все вступленіе въ Олеговомъ договорѣ, замѣчаемъ, что оно употребляется съ особенною точностію и какъ бы намѣренно-часто, для обозначенія власти Русскаго Великаго Князя и его отношеній къ подданнымъ. Такую строгую точность Греки особенно старались соблюдать относительно варварскихъ князей, унижая ихъ политическое значеніе и тѣмъ возвышая достоинство Имперіи. Изъ сочиненій Константина и другихъ Византійскихъ писателей видно, съ какою точностію Императоры опредѣляли свои отношенія къ сосѣднимъ владѣтельнымъ лицамъ, изъ которыхъ каждое, согласно съ своимъ политическимъ значеніемъ, имѣло свой титулъ, равно и Императорскій титулъ относительно каждаго изъ нихъ измѣнялъ свою фор-